ДОКЛАДЪ

Н. А. Шаврова.

Стр.

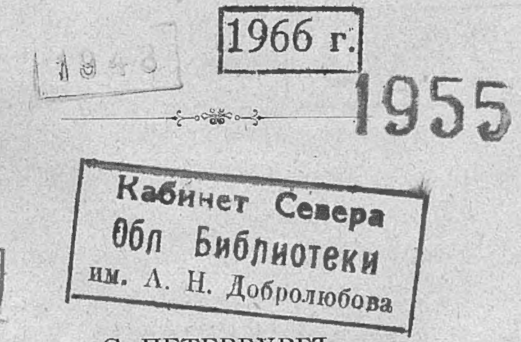
ТРУДЫ

С.-Петербургскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству.

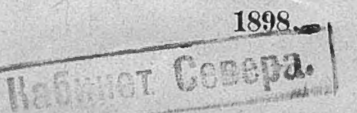
ДОКЛАДЪ

Н. А. Шаврова.

Стр.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерининскій каналъ, 94.
1898.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Об-ва для содѣйствія русскому торговому мореходству.

Колонизація, ея современное положеніе и мѣры для русскаго заселенія Мурмана.

(§ V. ст. I. Программы задачъ Комитета для помощи поморамъ русскаго Сѣвера).

Начало русской колонизаціи побережьевъ Ледовитаго Океана и его залива—Бѣлаго моря относится къ весьма древнему періоду образованія Государства Россійскаго. Нѣтъ историческихъ документовъ, точно опредѣляющихъ это время, но, по сказаніямъ лѣтописцевъ, въ XI столѣтіи, Лопари, обитающіе на берегахъ Мурмана, уже платили дань Великому Новогороду и колоніи Новогородцевъ существовали также на берегахъ рр. Онеги, Сѣверной Двины, Мезени и Бѣлаго моря. Это, конечно, не были колоніи нашего времени, а лишь осѣдлыя становища Новогородской вольницы, новогородскихъ ушкуйниковъ, появлявшихся для грабежа и эксплоатаціи мирныхъ племенъ, населявшихъ нынѣшнія Сѣверо-Восточныя области Европейской Россіи. Съ теченіемъ времени, эта вольница поселялась на постоянное житье на облюбованныхъ и вольныхъ мѣстахъ, но никакой опредѣленной, государственной задачи такая колонизація имѣть не могла и служила лишь для удержанія въ своей власти свободныхъ земель, захваченныхъ въ номинальную собственность Великаго Новогорода. Фактическими владѣльцами новыхъ земель были тѣ именитые люди, ко-

торые снаряжали ватаги ушкуйниковъ *). Такъ извѣстно, что въ половинѣ XV столѣтія, на побережьѣ Бѣлаго моря, знаменитая Марѳа Посадница владѣла такими обширными волостями, что въ 1450 году могла подарить въ собственность Соловецкому монастырю земли, занимаемыя нынѣ Кемью, Сорокою и Сумскимъ посадомъ. Очевидно, что при такомъ положеніи вещей не могло быть никакой общей правительственной организаціи въ сѣверныхъ владѣніяхъ Великаго Новогорода, но, тѣмъ не менѣе, власть его надъ этими территоріями признавалась сосѣдними Государствами Швеціей и Норвегіей, какъ можно судить по договору, заключенному Ярославомъ Мудрымъ съ норвежскимъ королемъ Олафомъ, и по разбору пограничныхъ споровъ со Швеціею въ 1326, 1529 и 1601 годахъ **), что, конечно, не останавливало набѣговъ сосѣдей, какъ можно судить по тому, что Соловецкій монастырь, для защиты своей вотчины, вынужденъ былъ построить въ Кеми острогъ и содержать въ немъ 100—150 стрѣльцовъ, которые, когда въ 1592 году финляндцы, подъ командою шведскихъ воеводъ, опустошали все Поморье, не только выдержали осаду, но сдѣлали вылазку и обратили врага въ бѣгство ***).

Но если, не только въ Новогородскій періодъ, но и въ первые вѣка существованія Московскаго Царства, Россія не могла дать своимъ сѣвернымъ областямъ даже надлежащей защиты отъ нападенія сосѣдей,—то, конечно, не могло быть и рѣчи о воздѣйствіи ея на обитателей, разбросанныхъ по этой громадной территоріи, случайныхъ русскихъ поселковъ,—въ смыслѣ упроченія государственнаго единства и сліянія съ господствующею расою. Тѣмъ не менѣе, это единство упрочилось и сліяніе совершилось настолько крѣпко, что Сѣверъ Россіи сдѣлался и остается до сихъ поръ исключительно русскою національною землею,

---

*) Очеркъ исторіи г. Архангельска въ промышленномъ отношеніи С. Ѳ. Огородникова. Спб. 1890 г. стр. 7.

**) Годъ на Сѣверѣ. Максимова. Спб. 1859 г. стр. 398.

***) Тамъ же, стр. 566—571.

не смотря на всѣ пережитыя имъ невзгоды, постигшія его населеніе послѣ царствованія Екатерины Великой. Произошло это потому, что Россія, кромѣ Новогородскихъ ушкуйниковъ, дала народамъ, заселявшимъ Сѣверъ,—просвѣтителей, въ лицѣ проповѣдниковъ слова Божія, распространявшихъ свѣтъ истиннаго христіанскаго православнаго ученія, среди Лопарей, Кореловъ, Самоѣдовъ и прочихъ мелкихъ племенъ и народовъ, чѣмъ создана была надежная почва для равноправнаго слiянія господствующей расы и покореннаго населенія. Труды великихъ подвижниковъ православной церкви: Стефана Пермскаго, Зосима и Савватія Соловецкихъ, Ѳеодорита Кольскаго, Трифона Печенгскаго и сотенъ другихъ менѣе извѣстныхъ ревнителей вѣры православной принесли сторичные плоды, и оставленные ими завѣты и монастырскіе уставы до сихъ поръ свято сохраняются и по прежнему служатъ великую службу укрѣпленію истинной вѣры и патріотизма, благотворно вліяя на поднятіе нравственнаго уровня населенія всего Сѣвера Россіи.

Въ числѣ учрежденныхъ на Сѣверѣ монастырей—Соловецкая обитель, по своему широкому вліянію на населеніе и культуру Сѣвера,—занимаетъ первое и самое почетное мѣсто, а потому, при самомъ бѣгломъ обзорѣ исторіи водворенія и упроченія русской государственной мощи на Сѣверѣ Россіи,—нельзя умолчать о многовѣковой культурной дѣятельности Соловецкой обители и объ ея плодотворныхъ трудахъ на пользу Отечества, отъ основанія своего и до нашихъ дней.

Соловецкій монастырь, какъ полагаютъ, основанъ въ началѣ XV столѣтія, когда свѣтъ православной вѣры и русская колонизація Сѣвера были уже значительно распространены, судя по тому, что въ то же время, именно въ 1414 году, построенъ былъ, по настоянію мѣстныхъ жителей всего Придвинскаго Края *), другой монастырь св.

*) Исторія г. Архангельска С. Ѳ. Огородникова. Спб. 1890 г. стр. 9.

Михаила Архангела, при устьѣ Сѣверной Двины. Основателями Соловецкой обители, какъ извѣстно, признаются преподобные Зосима и Германъ, два инока Валаамскаго монастыря, поселившіеся на Соловецкомъ островѣ, который Великимъ Новогородомъ отданъ былъ въ собственность устроенному ими монастырю. Затѣмъ многіе именитые люди Новогородскіе жертвовали монастырю разныя угодья, и болѣе всѣхъ знаменитая Мароа Борецкая, подарившая монастырю, въ 1450 году, земли, занимаемыя нынѣ Кемью, Сороками и Сумскимъ посадомъ. Послѣ занятія Новогорода, Іоаннъ IV Грозный жалованною грамотою утвердилъ всѣ подаренныя земли за Соловецкою обителью, которая поставлена была этимъ въ необходимость заниматься благоустройствомъ обширной территоріи сѣвернаго побережья. Въ то же время Іоаннъ Грозный пожаловалъ въ даръ монастырю Живоначальной Троицы, основанному въ началѣ XVI вѣка, преподобнымъ Трифономъ на р. Печенгѣ, всѣ земли вдоль Мурманскаго берега отъ мыса Пагань, составляющаго оконечность лѣваго берега Кольскаго залива, до р. Нявдемы, впадающей въ Нявдемскую губу на срединѣ южнаго берега Варангерскаго залива. Въ грамотѣ этой, данной 21 ноября 1557 года, границы дарованной земли опредѣлены такъ:

„Мѣрою отъ Пагань-Наволока до Нѣмецкаго рубежа до р. Нявдемы съ морскими губами Мотовскою, Лицкою, Урскою, Печенгскою, Пазрѣкскою и Нявдемскою со рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками и малыми ручейками, верхотинами, тонями, пожнями и лѣсами“; „а если“, сказано далѣе въ грамотѣ, „кто пріѣдетъ въ ту ихъ вотчину (Печенгскаго игумена съ братіей) на рыбную ловлю или на кожу, или на сало и на иные какіе добытки, тѣмъ людямъ давать въ домъ Живоначальной Троицы (Печенгскій монастырь) изо всего добытаго десятину, а коли игуменъ съ братіей пошлетъ своихъ ловцовъ, десятины съ тѣхъ ловель

не брать“. Но Печенгскій монастырь, вскорѣ послѣ смерти своего основателя, подвергся нападенію шведовъ (въ 1590 году) въ день Рождества Христова, причемъ 51 монахъ и 65 послушниковъ и рабочихъ были убиты самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; церковь и всѣ монастырскія зданія сожжены, а суда и лодки изрублены на части. Разгромъ Печенгскаго монастыря произошелъ въ царствованіе Θеодора Іоанновича и онъ приказалъ, для большей безопасности, перевести обитель въ Кольскій острогъ. Когда же послѣдній сгорѣлъ, то, въ 1619 году, построена была новая обитель, названная Кольско-Печенгскимъ монастыремъ, который по указу Петра I, въ 1701 году, былъ приписанъ къ архіерейскому дому. Весьма интересно, что при отобраніи монастырскихъ имуществъ Петромъ Великимъ, всѣ крѣпостные акты на эти имущества были у монастырей взяты, за исключеніемъ грамотъ, данныхъ Соловецкому и Печенгскому монастырямъ, которыя даже подтверждены преобразователемъ Россіи особою грамотою на имя Соловецкаго архимандрита Фирса съ братіей отъ 11-го іюня 1704 года, въ которой про Кольско-Печенгскій монастырь *) сказано: „монастырь отъ промысловъ нынѣ оскудѣлъ и пришелъ въ скудость, а какія затѣмъ печенгскимъ монастыремъ есть промыслы и рѣки, о томъ свидѣтельствуютъ подлинно жалованная грамота и монастырскія описныя книги, а того кольскаго острога многіе люди будутъ охотны, рѣки, звѣриные и рыбные промыслы имать на оброкъ и откупъ, и подлинно-де того печенгскаго монастыря о всякихъ промыслахъ вѣдаетъ печенгскаго монастыря строитель Павелъ Колянинъ и тебѣ-бъ архимандриту съ братіей противъ вышеявленнаго письма строителя Павла допросить“... Вслѣдствіе этой грамоты архимандритъ Соловецкаго монастыря Досиθей съ братіею далъ инструкцію Ивану Собакину, посланному имъ съ промышленными людьми въ Кольскій острогъ и на островъ Кильдинъ для поднятія

*) По жалобѣ игумена коей и воспослѣдовала самая грамота.

рыбныхъ промысловъ, т. е. началъ распоряжаться и землями, принадлежавшими Печенгскому монастырю. Занять и устроить такую грандіозную, не отмежеванную территорію было не подъ силу Соловецкой обители, а потому земли эти считались какъ бы свободными, и самыя лучшія изъ нихъ, именно Рыбачій полуостровъ, составляющій восточный берегъ Варангерскаго залива и небольшой участокъ южнаго его берега отъ Ворьемы до Малой Волоковой губы, оставленные за Россіей при проведеніи Норвежской границы въ 1826 году,—прежде всего были заселены сосѣдними инородческими колоніями.

Послѣ разоренія было нѣсколько попытокъ возобновить Печенгскій монастырь, но только въ 1886 году вопросъ этотъ рѣшенъ указомъ Св. Синода къ архимандриту Соловецкой обители съ братіей,—которымъ возобновленіе Печенгскаго монастыря возложено на Соловецкую обитель „по особому къ ней довѣрію Св. Синода и полному убѣжденію въ томъ, что Соловецкая обитель, издревле славная своими великими подвижниками и нынѣ процвѣтающая по благости Божіей и по молитвамъ преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, памятуя ихъ подвиги и труды и подражая ихъ примѣру,—возможетъ поднять и привести къ благому исполненію святое дѣло устроенія Печенгскаго монастыря во славу Божію и въ память преподобнаго Трифона и на пользу православнаго русскаго народа“.

Ожиданіе это осуществилось съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Только 11 человѣкъ соловецкихъ монаховъ прибыло въ 1886 году въ глухую, заброшенную мѣстность, гдѣ находилась ветхая, построенная въ 1757 году, деревянная церковь надъ могилою, въ которой почивали мощи преподобнаго Трифона, и въ настоящее время, благодаря замѣчательнымъ трудамъ и энергіи руководящаго дѣломъ настоятеля монастыря, почтеннаго отца Іонаѳана, кромѣ прекрасной новой церкви, отдѣланной внутри съ замѣчательнымъ

изяществомъ и благолѣпіемъ, построено до 30 различныхъ зданій для монастырскихъ нуждъ и открыта церковно-приходская школа, а также, по примѣру Соловецкаго монастыря, заведены различныя ремесла. При первоначальномъ устройствѣ потребовались грандіозныя работы для отвода р. Печенги, подмывавшей берегъ около церкви, и для засыпки болотъ, находившихся вблизи зданій. Теперь все это представляетъ ровную сухую площадь, гдѣ разведены огороды и размѣщены монастырскія зданія. Вблизи монастыря расчищены сѣнокосы, доставляющіе болѣе 6 т. пудовъ сѣна, совершенно обезпечивающіе содержаніе рабочихъ лошадей и монастырскаго скота. Но важнѣе всего, конечно, то, что со времени рѣшенія возобновить монастырь св. Трифона, на Печенгѣ образовалось три новыхъ православныхъ колоніи изъ переселенцевъ съ Поморья, численностью до 450 душъ. Условія жизни для переселенцевъ здѣсь самыя благопріятныя, а потому русская колонизація здѣсь не остановится на этомъ началѣ, но будетъ продолжаться усиленно и притомъ привлечетъ къ осѣдлой жизни мѣстныхъ лопарей, свято чтущихъ память преподобнаго Трифона. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что на Печенгѣ предполагается оставить только скитъ, а самый монастырь перенести на мѣсто древняго монастыря, разрушеннаго шведами въ 1590 году, гдѣ уже заготовлены матеріалы для постройки каменнаго храма и устройства обители по Соловецкому образцу,—что вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія колонистовъ, вслѣдствіе благотворнаго примѣра и непосредственной помощи имъ со стороны обители, — подниметъ и нравственный уровень населенія окрестнаго раіона, которое получитъ не только свѣтъ истинной вѣры, но и гражданское образованіе въ приходскихъ школахъ и монастырскихъ мастерскихъ. Не увлекаясь однако будущимъ, уже по наличнымъ результатамъ настоящаго видно, что привлеченіе Св. Синодомъ Соловецкаго монастыря къ дѣлу служенія „на пользу

православнаго русскаго народа“ принесло въ теченіе десяти лѣтъ болѣе пользы русскому дѣлу на Мурманѣ, чѣмъ инородческая колонизація пустыхъ его земель съ 1840 года, или въ теченіе болѣе полустолѣтія.

Это заключеніе не представляетъ личнаго мнѣнія, но есть естественный логическій выводъ изъ близкаго знакомства съ исторіею дѣятельности Соловецкой обители и съ исторіею инородческой колонизаціи на Мурманѣ, — о чемъ и слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ.

Съ самаго начала своего основанія на необитаемомъ островѣ съ плохою почвою, суровымъ климатомъ и жестокою зимою,—Соловецкій монастырь былъ поставленъ въ необходимость обезпечить собственными силами матеріальное существованіе своихъ обитателей. Съ самаго начала потребовался общій энергическій трудъ каждаго инока какъ для сооруженія обители, ея благоустройства, такъ и на организацію разнообразныхъ хозяйственныхъ учрежденій, сооруженій и культурныхъ земледѣльческихъ работъ, обезпечивающихъ правильную жизнь общежитія. Въ числѣ иноковъ обители всегда было и есть не мало людей, выдѣляющихся своими познаніями и умственнымъ превосходствомъ, и, стало быть, при распоряженіи дѣломъ никогда не было недостатка въ достойныхъ руководителяхъ; потому Соловецкая обитель весьма скоро сдѣлалась не только свѣточемъ и опорою истинной вѣры, но и школою практическихъ знаній для всего Сѣвера Россіи. Среди богомольцевъ, привлекаемыхъ святынями обители и уваженіемъ къ памяти святыхъ ея основателей, вскорѣ возникъ обычай—жертвовать своимъ трудомъ на пользу обители и, такимъ образомъ, явилось новое званіе годовиковъ, какъ называются мальчики и взрослые люди, которые, по собственному желанію или по волѣ родителей—даютъ обѣтъ безвозмездно потрудиться полгода, годъ и болѣе на пользу святой обители Соловецкой. На физическое и нравственное воспитаніе этихъ добровольныхъ тружениковъ — въ

обители всегда обращалось и обращается особое вниманіе. Они получаютъ при поступленіи въ обитель бѣлье, лѣтнюю и зимнюю одежду и поступаютъ на послушаніе, т. е. распредѣляются, смотря по своимъ силамъ и способностямъ, на разнообразныя хозяйственныя и строительныя работы, а также и по мастерскимъ обители—и, проживая въ монастырѣ, обучаются мастерствамъ, огородничеству, ремесламъ и промысламъ. По монастырскому уставу игумена Зосимы, продовольствіе въ обители одинаково для всѣхъ, отъ настоятеля до послѣдняго богомольца и годовика, и происходитъ за общею трапезою; помѣщаются годовики въ теплыхъ удобныхъ зданіяхъ. Вполнѣ естественно поэтому, что большинство годовиковъ, окончивъ работу по обѣту, не возвращается домой, а остается еще на годъ и болѣе, успѣвая въ это время основательно изучить различныя мастерства и ремесла. Работаютъ годовики безъ всякаго принужденія, но вліяніе окружающей среды настолько благотворно дѣйствуетъ на простыхъ людей, что они проникаются строгою дисциплиною и работаютъ весьма прилежно, не страха ради, а по совѣсти и изъ уваженія къ своимъ руководителямъ. Въ силу такой обстановки Соловецкая обитель уже болѣе трехъ столѣтій воспитываетъ и ежегодно выпускаетъ для Поморья и сѣверныхъ губерній не мало грамотныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, отличающихся притомъ своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и высшимъ уровнемъ нравственнаго и религіознаго развитія. Но Соловецкая обитель не останавливается на этомъ: талантливыхъ мальчиковъ, которые проявляютъ свои особенныя способности къ наукамъ или къ искусству—обитель отправляетъ на свой счетъ или въ духовныя училища,— гдѣ воспиталось не мало лицъ, занимающихъ видныя мѣста среди духовенства,—или въ Академію Художествъ, гдѣ изъ соловецкихъ воспитанниковъ образовалось нѣсколько выдающихся художниковъ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ развитія культуры и благоустройства дикаго Сѣвера Россіи,

Соловецкая обитель всегда занимала и занимаетъ первое мѣсто, оказывая, при всякомъ случаѣ, нравственную и матеріальную помощь населенію русскаго Сѣвера, не останавливаясь никакими затрудненіями при исполненіи. Такъ, напримѣръ, въ 1868 г. во время обнаружившагося въ Архангельской губерніи голода, Соловецкая обитель успѣла снабдить хлѣбомъ все голодающее населеніе на южномъ берегу Бѣлаго моря, несмотря на необычайную трудность перевозить грузы изъ Соловокъ зимою на парусныхъ судахъ. Нельзя также отрицать, что въ теченіе трехъ столѣтій Соловецкая обитель стояла на стражѣ русскихъ интересовъ на Сѣверѣ Россіи и въ настоящее время составляетъ, если не единственную, то, по крайней мѣрѣ, весьма крупную активную силу, содѣйствующую культурному прогрессу русскаго Сѣвера. Соловки постоянно даютъ то, что наиболѣе необходимо для Поморья: честныхъ трудолюбивыхъ нравственно развитыхъ и грамотныхъ работниковъ, съ дѣтства знакомыхъ съ моремъ, которыхъ не увлекаютъ соблазны городской и фабричной жизни, но которые, окончивъ свое воспитаніе, возвращаются домой и продолжаютъ свою прежнюю жизнь, внося въ нее тѣ нравственные привычки и принципы, которыми надѣляетъ ихъ обитель, и тѣ улучшенные пріемы хозяйства и промысловъ, съ которыми знакомятся во время своего пребыванія въ обители.

Несмотря однако на такія реальныя услуги русскому дѣлу на Сѣверѣ и Соловецкая обитель имѣетъ порицателей, которые находятъ, будто бы монастырь не можетъ быть примѣромъ для мірской дѣятельности, такъ какъ работаетъ исключительно въ интересахъ собственнаго благополучія, посредствомъ эксплоатаціи богомольцевъ. Такое тяжкое обвиненіе, упраздняющее все многовѣковое полезное значеніе Соловецкой обители для Сѣвера Россіи, падаетъ однако само собою, даже при поверхностномъ обсужденіи дѣятельности Соловецкой обители.

Въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, собственно заключается

эгоистическая, эксплоататорская политика и практика Соловковъ?

Соловецкій монастырь дѣйствительно получаетъ ежегодно большіе доходы отъ пожертвованій богомольцевъ; съ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ обители, въ разныхъ городахъ Поморья и внутреннихъ губерній; отъ разныхъ промысловъ и предпріятій—какъ напримѣръ, отъ перевозки грузовъ и пассажировъ на монастырскихъ судахъ и пароходахъ, а также отъ разныхъ промысловъ. Но какъ бы ни прогрессировали, изъ года въ годъ, эти доходы—это не имѣетъ и не можетъ имѣть ровно никакого вліянія на увеличеніе непроизводительныхъ монастырскихъ расходовъ, такъ какъ уставъ монастыря, составленный игуменомъ Зосимою, исполняется во всей строгости, и что получала братія во время преподобныхъ Зосимы и Савватія, основателей монастыря, то же получаетъ она нынѣ и будетъ получать впередъ, такъ какъ уставъ монастыря, по всей вѣроятности, останется безъ перемѣны до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Соловецкая обитель. Всѣ доходы обители абсолютно гласные и состоятъ въ вѣдѣніи Св. Синода; большая ихъ часть поступаетъ на удовлетвореніе нуждъ обители, т. е. на ея содержаніе, благоустройство и благотворительную дѣятельность, а излишекъ доходовъ причисляется къ общему основному монастырскому капиталу, находящемуся въ вѣдѣніи Св. Синода и расходуемому не иначе, какъ съ его благословенія на непредвидѣнныя и вновь возникающія потребности обители. Правда, собственныя нужды обители чрезвычайно разнообразны и требуютъ крупныхъ суммъ для своего удовлетворенія. Обитель производитъ самыя разнообразныя постройки и сооруженія какъ въ самомъ монастырѣ и филіальномъ его отдѣленіи на Печенгѣ, такъ и въ различныхъ частяхъ Поморья для жилья промысловыхъ рабочихъ, для самыхъ промысловъ, для благоустройства обители и удобства богомольцевъ. Все это, при слабой населенности Сѣвера, при недостаткѣ

мастеровъ вынуждаетъ обитель имѣть всевозможныя мастерскія, мастеровъ и приспособленія, кончая паровыми судами, мельницами и сухимъ докомъ, необходимымъ для содержанія въ исправности монастырскихъ судовъ и пароходовъ. Какъ разнообразны всѣ хозяйственныя заведенія обители, можно судить по тому, что платье, бѣлье, обувь, выдѣлка для нея кожи и всѣ предметы домашняго обихода монашествующей братіи и постоянныхъ рабочихъ, число коихъ простирается до тысячи и болѣе душъ,—изготовляются въ монастырскихъ мастерскихъ, въ которыхъ, подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ, ежегодно обучаются десятки портныхъ, сапожниковъ, кожевенниковъ и пр., которые, по окончаніи срока своего обѣта, возвращаются домой въ самые отдаленные уголки Сѣвера, принося съ собою знаніе ремеселъ, никому тамъ неизвѣстныхъ. Заботы о продовольствіи, въ теченіе круглаго года, постоянныхъ обитателей Соловковъ и посѣщающихъ обитель богомольцевъ, число коихъ лѣтомъ бываетъ отъ 1000 до 2000 и болѣе въ сутки,—вынуждаетъ монастырскую администрацію организовать морскіе, рѣчные и озерные рыбные промыслы, заводить огороды, разводить овощи, разрабатывать изъ болотъ покосы для заготовленія сѣна на прокормленіе зимою рабочихъ лошадей и молочнаго скота и пр. Всѣ эти работы, раціонально производимыя подъ руководствомъ знающихъ людей, служатъ цѣлыя столѣтія школою для всего Сѣвера Россіи, и въ этой разнообразной школѣ каждый изъ годовиковъ за свою безплатную службу обители проходитъ практическій курсъ тѣхъ промышленныхъ производствъ и земледѣльческихъ работъ, къ какимъ имѣетъ болѣе склонности. Выше было сказано, что годовики получаютъ въ обители прекрасное содержаніе и одежду, что понужденій къ работѣ нѣтъ: всякому предоставляется дѣлать дѣло по совѣсти, и въ наказаніяхъ нѣтъ надобности, такъ какъ самое жестокое изъ нихъ это удалить рабочаго изъ монастыря, чего никто изъ нихъ не желаетъ. Такимъ образомъ,

отношенія между обителью и служащими ей рабочими идеально хороши и не имѣютъ и тѣни той эксплоатаціи, какой подвергаются поморы, поступающіе на промыслы и работы къ инородческимъ и русскимъ судохозяевамъ фактористамъ или нанимаемые подрядчиками казенныхъ и частныхъ работъ.

Такова, далеко не эгоистическая, но плодотворная государственная дѣятельность Соловецкой обители. Въ конечной формѣ она выражается тѣмъ, что на заброшенномъ цѣлые вѣка Сѣверѣ Россіи, изъ года въ годъ, безъ всякаго пособія правительства, шла и идетъ непрерывно постоянная патріотическая работа по увеличенію благоустройства и благосостоянія края, а также культурнаго и нравственнаго развитія обитающаго въ немъ населенія. И вся эта плодотворная работа исполняется руками русскихъ людей, не имѣющихъ на Сѣверѣ никакихъ заработковъ въ теченіе большой части года. Такая помощь населенію очень солидна: Соловецкій монастырь съ филіальнымъ своимъ отдѣленіемъ—Печенгскимъ монастыремъ, производятъ обширныя работы, затрачиваютъ на нихъ крупные капиталы и тѣмъ ежегодно даютъ безбѣдное существованіе, образованіе и нравственное воспитаніе не менѣе тысячи человѣкъ рабочихъ, изъ коихъ часть ежегодно смѣняется вновь поступающими годовиками и уходитъ домой, снабжая Сѣверъ хорошими грамотными мастеровыми и честными работниками, въ которыхъ особенно нуждается рѣдко населенная и слабо колонизируемая сѣверная наша окраина.

Послѣ этого каждому понятно, почему рѣшеніе возобновить Печенгскій монастырь и начало его постройки вызвало усиленный притокъ поселенцевъ на Печенгу, и почему, не будучи пророкомъ, можно предсказать, что колонизація здѣсь быстро будетъ увеличиваться, а Печенгская губа въ недалекомъ будущемъ будетъ одною изъ наиболѣе населенныхъ мѣстностей Западнаго Мурмана. Колонисты, здѣсь водворяющіеся, могутъ обойтись и безъ пособій

правительства, такъ какъ самое существованіе Печенгскаго монастыря, сохраняющаго уставъ и преданіе Соловецкой обители, служитъ несокрушимою гарантіею того, что поселенцы не останутся безъ куска хлѣба, но всегда найдутъ въ монастырѣ не только работу, но и непосредственную помощь въ случаѣ болѣзни, несчастія или общаго бѣдствія. Уже и нынѣ колонисты около Печенги видятъ заботы о себѣ: такъ, напр., въ текущемъ году почтенный отецъ Іонаѳанъ, настоятель Печенгскаго монастыря, распорядился поставить монастырскія промысловыя избы среди инородцевъ въ Ворьемѣ и Вайда-губѣ и русскіе промышленники получили надежный пріютъ и помощь, на которые прежде разсчитывать не могли.

Не могу не прибавить въ заключеніе, что и въ дѣлѣ торговаго судостроенія Соловецкій монастырь послужилъ примѣромъ. Когда еще на Сѣверѣ, кромѣ первобытныхъ лодей, не было другихъ мореходныхъ судовъ, именно въ 1827 году,—Соловецкій монастырь построилъ два трехмачтовыхъ судна, мѣрою по килю 87½ фут., а по палубѣ 112 футъ. Суда эти „были оснащены на манеръ военныхъ судовъ лучшимъ мастерствомъ и своею величиною и красотою превосходили всѣ суда, какія находились въ то время на Бѣломъ морѣ, у торговыхъ людей“ *).

Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ данныхъ видно все важное плодотворное государственное значеніе Соловецкаго монастыря въ колонизаціи и культурномъ развитіи Сѣвера, съ основанія своего и до нашихъ дней. Но въ полезности этого русскаго національнаго фактора прогресса, почему то, усумнились въ шестидесятыхъ годахъ, признавая, что для успѣшнаго прогресса Сѣвера недостаетъ иностраннаго примѣра современной европейской цивилизаціи и таковой примѣръ былъ пріобрѣтенъ въ видѣ норвежско-финляндской колонизаціи, долженствовавшей научить нашихъ Поморовъ, какъ слѣдуетъ жить на Мурманѣ.

*) Исторія г. Архангельска С. Ѳ. Огородникова. Спб. 1890 г. стр. 308.

Какъ извѣстно, до Петра Великаго, хотя и не знали ничего объ ученіи Монроэ и даже о томъ, что появится на свѣтъ этотъ американскій политикъ,—но уже руководствовались предложенной имъ политикою: Россія существовала исключительно для русскихъ, не угнетая притомъ покоряемые народы, а предоставляя имъ полную равноправность, но подъ условіемъ полнаго сліянія съ господствующею расою посредствомъ общности языка и религіи. При такомъ условіи, иностранцы были у насъ на государственной службѣ только въ видѣ исключенія, по найму, какъ чужіе люди, а объ разведеніи иностранцевъ посредствомъ водворенія иностранныхъ колоній на русской землѣ,—никто и не помышлялъ, ясно понимая, что если коренная русская земля будетъ заселена иностранцами, которые не захотятъ знать русскаго языка и русскихъ законовъ, а сохранятъ свой особый языкъ и обычаи,—то это будетъ ужъ не русская земля, а земля того языка, который на ней живетъ. Такая земля, очевидно, не увеличиваетъ, а ослабляетъ реальныя силы Россіи, требуя наблюденія за благонадежностью населенія, которое не желаетъ слиться со своими согражданами и предается отдѣльнымъ мечтамъ о самобытномъ политическомъ существованіи въ будущемъ. Екатерина II, увлекаясь въ началѣ своего царствованія идеями французскихъ энциклопедистовъ, широко открыла дверь для такой иностранной колонизаціи, а для нея отводились лучшія, пріобрѣтенныя кровью и потомъ нашихъ предковъ, русскія земли, не требуя взамѣнъ отъ просвѣщенныхъ поселенцевъ ничего, кромѣ, якобы, благотворнаго примѣра цивилизованной европейской жизни. Этимъ примѣрнымъ учителямъ строили дома русскими руками, давали пособія за счетъ налоговъ съ русскаго населенія и жаловали льготами, которыя ставили иностранцевъ въ привилегированное положеніе, весьма удобное для эксплоатаціи окрестнаго населенія, особливо при той сплоченности и солидарности колонистовъ, какія

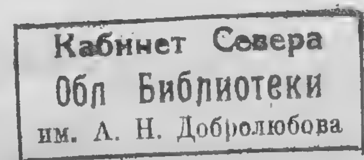
неизбѣжно вырабатывались среди поселенцевъ, сохранявшихъ свой языкъ, обычаи, политическую и экономическую связи съ своимъ прежнимъ Отечествомъ. Иностранные колонисты скоро осваивались съ выгодами своего положенія и быстро достигали благосостоянія,—но это менѣе всего могло служить примѣромъ ихъ русскимъ сосѣдямъ, которые находились совсѣмъ въ иномъ положеніи и изъ своихъ скудныхъ средствъ уплачивали тѣ льготы, которыми пользовались ихъ учителя. Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ и непосредственный вѣковой опытъ доказалъ, какъ мало пользы принесла такая иностранная колонизація. Что выигрываетъ въ самомъ дѣлѣ Россія отъ того, что на знаменитомъ островѣ Хортицѣ, вмѣсто воинственныхъ запорожцевъ, всегда готовыхъ выступить на защиту Отечества, живутъ нѣмецкіе люди, не знающіе русскаго языка и состоящіе въ запасѣ Германской арміи? Нельзя не припомнить, что послѣ введенія общей воинской повинности, въ Америку выселилось не мало менонитовъ, а послѣ неурожаевъ въ Самарской и Саратовской губерніяхъ—туда же потянулись многочисленныя группы нѣмецкихъ колонистовъ, послѣ столѣтняго пребыванія въ Россіи. Что же оставили послѣ себя эти образцы европейской цивилизаціи, кромѣ хищнически истощенной русской земли? Въ чемъ же выгода, въ чемъ состоитъ государственная польза для Россіи отъ столѣтняго содержанія на своей землѣ образцовыхъ поселеній? Да ничего,—кромѣ сожалѣнія о неудачѣ дорого стоившей государственной мѣры,—неудачи, которую повторять вовсе нежелательно въ наше время, когда во внутреннихъ губерніяхъ ежегодно получается приростъ населенія свыше милліона душъ, для котораго, за распредѣленіемъ земель при введеніи реформы 19 Февраля 1861 года, не достаетъ земли и предстоитъ эмиграція на окраины.

Сѣверъ Россіи особенно нуждается въ усиленіи густоты населенія для болѣе продуктивной его эксплоатаціи въ государственныхъ интересахъ нашего Отечества. Мурман-

скій берегъ составляетъ пока самую богатую часть сѣвернаго побережья, обезпечивающую безбѣдное существованіе всего Поморья и обладающую такимъ изобиліемъ рыбы, что ея достало бы и на обезпеченіе благосостоянія втрое большаго населенія, а потому и представляетъ весьма удобное мѣсто для водворенія излишка населенія внутреннихъ губерній. Перломъ Мурманскаго берега надо признать оконечность нашей морской границы съ Норвегіей—Рыбачій полуостровъ, составляющій восточный берегъ Варангерскаго залива, омываемый наиболѣе теплымъ теченіемъ гольфстрима и обладающій поэтому болѣе мягкимъ климатомъ и болѣе богатою растительностью, чѣмъ остальныя части Мурманскаго берега,—а потому, казалось бы, эту древнюю вотчину Печенгскаго монастыря слѣдовало бы предоставить исключительно русскимъ поселенцамъ.—Но это стало нынѣ трудно исполнимымъ, вслѣдствіе водворенія здѣсь норвежско-финляндской колонизаціи. Почему такъ случилось, что заставило отступить отъ традицій древне-русской политики и заселить нашу пограничную съ Норвегіей территорію инородцами, вмѣсто кореннаго русскаго населенія, представляющаго собою средство для защиты границы, — отвѣтить довольно трудно, тѣмъ болѣе, что „водвореніе высшей культуры"—общее мѣсто, часто приводимое въ объясненіе нарушенія русскихъ интересовъ—едва ли можетъ быть поставлено задачею тамъ, гдѣ прежде всего слѣдуетъ позаботиться объ огражденіи цѣлости и безопасности государственной территоріи.

Я не имѣлъ въ рукахъ оффиціальныхъ данныхъ и не могъ узнать на самомъ Мурманѣ, когда именно началась норвежско-финляндская колонизація; кто былъ иниціаторомъ этого тормаза для національнаго развитія русскаго Поморья и какими государственными соображеніями и мотивами руководствовался онъ при предпочтеніи инородцевъ своему родному народу. Въ нашей серьезной прессѣ *) водво-

*) Сѣверъ Россіи. Путевыя записки А. П. Энгельгардта. С.-Петербургъ. 1897 года, стр. 90.

реніе инородческой колонизаціи на Рыбачьемъ полуостровѣ отмѣчено 1864 г., когда образовались колоніи изъ Финляндцевъ въ губѣ Урѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится портъ св. Владиміра, лучшій портъ на Мурманѣ.

„Тогда же", по словамъ автора путевыхъ записокъ, „появились колоніи изъ Норвежцевъ въ Вайда-губѣ и Земляной... Поселившіеся Норвежцы и Финляндцы вполнѣ доказали, что на Мурманскомъ берегу можно жить безбѣдно; имъ удалось завестись, безъ пособія со стороны Правительства, постройками и рогатымъ скотомъ; занимаясь рыбными промыслами, они, въ то же время, разработали луга и даже развели огороды"...

Въ качествѣ очевидца, исходившаго весь Рыбачій полуостровъ, долженъ констатировать, что никакихъ луговъ колонисты здѣсь не разрабатывали, такъ какъ въ этомъ никакой надобности не было. Рыбачій полуостровъ (за исключеніемъ сравнительно небольшой части, занятой скалистыми горами) представляетъ одно обширное мѣсто, покрытое прекрасной (для Сѣвера) травой. Въ текущемъ (1897) году на Рыбачьемъ полуостровѣ цѣлое лѣто паслись всѣ олени западной Лапландіи, свыше 10 тыс. головъ, и эта масса оленей не могла вытоптать всѣхъ покосовъ; каждый хозяинъ, здѣсь поселившійся, заготовилъ себѣ большіе стога сѣна, имѣя притомъ еще запасъ сѣна отъ прошлаго года. И несмотря на это, на Рыбачьемъ полуостровѣ оставалось еще много неубранныхъ покосовъ съ прекрасною травою. Приписывать это норвежско-финляндской колонизаціи, совершенно неправильно, такъ какъ колонисты воспользовались, и то не вполнѣ, естественнымъ обиліемъ травъ на занятой ими территоріи.

Изъ приведенной выписки видно, что начало норвежско-финляндской колонизаціи, хотя и современно намъ, но покрыто мракомъ неизвѣстности. „Въ 1864 году образовалась колонія изъ Финляндцевъ въ Ура-губѣ и тогда же появились колоніи Норвежцевъ въ Вайда-губѣ и Земляной"... но ка-

кимъ образомъ могло это случиться безъ вѣдома мѣстной власти, какъ случалось въ старину, въ то отдаленное время, когда Варяги плавали на своихъ ладьяхъ по океану, приставали къ незаселеннымъ берегамъ, не имѣвшимъ хозяина, и водворялись тамъ на всегда... Современнымъ варягамъ, поселившимся на Рыбачьемъ полуостровѣ, авторъ какъ будто бы ставитъ даже въ заслугу, что они сдѣлали это „безъ пособія со стороны русскаго правительства", совершенно не касаясь вопроса, имѣли ли иностранцы какое-нибудь право поступать съ русскою территоріею такъ, какъ поступали современные европейцы съ африканскими берегами до распредѣленія ихъ между претендентами? Приписываемая имъ заслуга, будто бы „они вполнѣ доказали, что на Мурманскомъ берегу можно жить безбѣдно", — совершенно не имѣетъ подъ собою исторической почвы, такъ какъ со времени водворенія на Мурманѣ русскаго поселенія прошло почти тысяча лѣтъ и русскіе люди не только жили постоянно на Мурманѣ, но и обороняли свою родную землю отъ нападеній Шведовъ, Норвежцевъ и Финляндцевъ. Благополучное существованіе Печенгскаго монастыря, разграбленнаго Шведами въ 1590 году, тоже всѣмъ извѣстно, а потому вовсе не было никакой надобности „въ видѣ опыта" селить иностранцевъ на лучшихъ земляхъ Мурмана, въ ущербъ водворенія русской колонизаціи. Если примѣръ Печенгскаго монастыря слишкомъ отдаленный фактъ, то сошлюсь на энергическія усилія извѣстнаго дѣятеля Сѣвера, покойнаго М. К. Сидорова, который въ теченіе половины текущаго столѣтія въ прошеніяхъ къ мѣстной администраціи, въ докладныхъ запискахъ въ разныя министерства и въ многочисленныхъ докладахъ ученымъ обществамъ: географическому, содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и содѣйствія русскому торговому мореходству,—постоянно и фактами доказывалъ не только полную возможность, но великую пользу и крайнюю необходимость для Россіи, заселить Мурманскій берегъ, гдѣ,

по мнѣнію тогдашней администраціи, могли жить развѣ „два пѣтуха и три курицы“ и которая не придавала никакого значенія заселенію Мурмана русскимъ элементомъ для развитія русскаго мореходства, доказывая, что, будто бы, не только не слѣдуетъ поощрять развитія мореходства на Сѣверѣ, но должно воспрещать этотъ рискованный промыселъ, обращая населеніе къ занятію земледѣліемъ, которое (замѣтимъ въ скобкахъ), какъ всѣмъ извѣстно, рѣдко вознаграждаетъ труды земледѣльца на суровомъ Сѣверѣ, вслѣдствіе малоплодоносной почвы и раннихъ морозовъ. Лучшею характеристикою этого неблагопріятнаго для русскаго дѣла времени можетъ служить тотъ фактъ, что почтенный М. К. Сидоровъ, въ теченіе 20-ти лѣтъ, не могъ добиться того, чтобы ему отвели даромъ или продали за деньги пять десятинъ земли около мыса Могильнаго для устройства на свой счетъ порта на островѣ Кильдинѣ,—а теперь, съ 1880 года, на этомъ обширномъ островѣ поселился норвежецъ Иванъ Эриксонъ. Съ тѣхъ поръ никто не пожелалъ здѣсь поселиться, и Иванъ Эриксонъ уже 17 лѣтъ одинъ хозяйничаетъ на Кильдинѣ, какъ полный владѣлецъ этой территоріи.

Подобныя единичныя водворенія на казенныхъ земляхъ могутъ имѣть мѣсто только при арендѣ оныхъ, но ни въ какомъ случаѣ они не желательны и едва ли могутъ быть допускаемы въ заботахъ о развитіи Мурмана, гдѣ требуется не даровая эксплоатація прибрежныхъ казенныхъ земель, а созданіе многочисленныхъ русскихъ промысловыхъ становищъ, поселеній и городовъ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ г. Слезскинскаго *) въ 31-й колоніи Западнаго Мурмана, изъ 279 семейныхъ работниковъ, русскихъ имѣется только 13 человѣкъ или 4,6%, т. е. менѣе того, сколько допускается въ университеты евреевъ... По тѣмъ же свѣдѣніямъ, изъ числа 31 колоніи Западнаго Мурмана, 14 колоній имѣютъ не болѣе 4 работниковъ, т. е. слишкомъ

*) Мурманъ. А. Слезскинскаго. Спб. 1897 г., стр. 131.

слабы для самостоятельнаго существованія, и потому переселенцы не всегда остаются въ колоніяхъ, гдѣ числятся приписанными, но часто самовольно переселяются на другія мѣста. Изъ 199 дворовъ, числящихся въ колоніяхъ Западнаго Мурмана, 19 дворовъ самовольно водворились и за припискою къ существующимъ образовано еще 4 новыхъ колоніи. При такой свободѣ переселенія, очевидно, можетъ существовать только хищническая эксплоатація наличныхъ естественныхъ богатствъ, что и случилось, напримѣръ, на побережьѣ между Ворьемой и Печенгой, гдѣ норвежцы-колонисты истребили весь лѣсъ на дрова, проданныя въ Норвегію, а нынѣ начинаютъ водворяться на берегахъ Кольскаго залива, еще богатыхъ лѣсомъ, гдѣ еще можно продолжать ту же свободную торговлю дровами съ Норвегіей. Какъ бы не признавалась полезной свободная колонизація—но нельзя отрицать, что она совершается безъ всякой руководящей общей идеи и, въ будущемъ, можетъ только стѣснять полезныя мѣропріятія Правительства по благоустройству Мурманскаго побережья. Теперь всѣми сознается важность этой окраины для Россіи, а потому настало время прекратить личный произволъ колонистовъ и отнестись сознательно къ задачамъ колонизаціи Мурмана, выяснить ихъ основательно. Затѣмъ назначить тотъ путь, какимъ вѣрнѣе всего они могутъ быть достигнуты.

Нельзя, конечно, не пожалѣть, что норвежско-финляндская колонизація, не регулируемая русскою администраціей, водворилась сплошною линіей на самой оконечности нашей морской границы, проведенной въ 1826 году—именно отъ Ворьемы до Титовской губы, обративъ весь Рыбачій полуостровъ въ одну общую норвежско-финляндскую колонію. Такимъ образомъ, невниманіе къ русскимъ интересамъ доставило Норвегіи, безъ всякихъ усилій и расходовъ, тѣ выгоды, которыхъ ея дипломаты, при всемъ своемъ искусствѣ, не могли достигнуть въ 1826 году.

Но если на Западномъ Мурманѣ (отъ Ворьемы до Кольскаго залива) господствуетъ инородческая колонизація, то на Восточномъ Мурманѣ (отъ Кольскаго залива до восточной Лицы) въ промысловыхъ становищахъ преобладаетъ русскій элементъ. Въ 12-ти становищахъ, среди осѣдло-водворившихся колонистовъ, на 86 человѣкъ общаго населенія причитается 1 финляндецъ и 6 норвежцевъ, или въ процентномъ отношеніи 0,8°|₀, т. е. въ четверо меньше количества русскихъ среди инородцевъ Западнаго Мурмана *). Происходитъ это, однако, не отъ политической нетерпимости русскаго населенія, а отъ нежеланія самихъ инородцевъ-колонистовъ отдѣляться отъ своихъ единоплеменниковъ, которые держатъ себя совершенно особо, не показывая ни малѣйшаго стремленія сливаться съ господствующею расою. Съ 1864 года, когда стала у насъ оффиціально извѣстна норвежско-финляндская колонизація на Мурманѣ, прошло уже 33 года и, стало быть, теперь живетъ уже второе и подростаетъ третье поколѣніе первыхъ піонеровъ-колонистовъ, а между тѣмъ, не только въ мелкихъ поселкахъ, но въ большой колоніи Земляной, существующей съ пятидесятыхъ годовъ и имѣющей 40 дворовъ — нѣтъ ни одного колониста, который бы говорилъ по русски, хотя въ колоніи есть даже школа, но въ ней обученіе происходитъ на финскомъ языкѣ. Колонисты объясняютъ начальству свое незнаніе русскаго языка тѣмъ, что у нихъ нѣтъ учителей, но примѣръ Земляной опровергаетъ это: если у нихъ есть школа, то, при желаніи родителей, въ ней, конечно, можно бы было обучать ихъ дѣтей русскому языку,—а между тѣмъ въ этой школѣ молодое поколѣніе колонистовъ искусственно устраняется отъ изученія языка своего новаго отечества. Знаніе государственнаго языка признается главнымъ условіемъ вѣрноподданства и права пользоваться гражданскими правами новаго отечества, даже въ Соединенныхъ Сѣверо-Американ-

*) Тамъ же, стр. 48.

скихъ Штатахъ, а потому совершенно непонятно, почему Россія должна быть въ этомъ отношеніи либеральнѣе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и, предоставляя колонистамъ громадныя льготы и преимущества, не получаетъ взамѣнъ того даже знанія государственнаго языка. Въ этомъ отчужденіи отъ сліянія съ Россіей и заключается совершенная непригодность водворенія норвежско-финляндской колонизаціи на важной пограничной территоріи русскаго государства, при всѣхъ нравственныхъ качествахъ, какія могутъ приписать колонистамъ ихъ доброжелатели.

Впрочемъ, нельзя отрицать того факта, что, вообще, инородцы-колонисты устраиваются скорѣе и живутъ лучше водворяемыхъ среди нихъ русскихъ колонистовъ, но это происходитъ не отъ ихъ нравственнаго превосходства или отъ особой пригодности для колонизаціи, а отъ условій водворенія русскихъ и инородцевъ. Инородцы, выселяясь въ Россію, если не имѣютъ сами достаточныхъ для водворенія средствъ, то, вслѣдствіе существующей между ними солидарности, пользуются пособіями, кредитомъ и всякимъ содѣйствіемъ какъ оставшихся на родинѣ друзей и родственниковъ, такъ и своихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Россіи, а потому имѣютъ возможность и, въ крайнемъ случаѣ, могутъ устроить свое хозяйство на новомъ мѣстѣ, не дожидаясь пособія, даруемаго правительствомъ. Русскій колонистъ все получаетъ отъ начальства и черезъ начальство, но, вполнѣ естественно, если за множествомъ другихъ заботъ и болѣе важныхъ дѣлъ, русскому колонисту приходится дожидаться полученія дарованныхъ ему пособій много долѣе того, сколько это нужно для устройства новаго хозяйства. Въ силу такого различія условій первоначальнаго водворенія, русскій колонистъ неизбѣжно долженъ отставать въ благоустройствѣ своего хозяйства отъ колониста-инородца. Къ этому прибавляется еще то, что русскій колонистъ, не имѣя капитала, кредита и личныхъ связей, долженъ все свое благосостояніе извлекать изъ

занятой имъ земли, — что требуетъ много труда, а еще болѣе времени и удачи, а колонистъ-инородецъ, опираясь на свои связи, имѣетъ возможность, помимо земли, —найти себѣ другой прибыльный заработокъ. Такимъ образомъ, русскій и инородецъ, водворяемые рядомъ и долженствующіе пользоваться одинаковыми льготами,—оказываются на практикѣ далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ для своего водворенія. При инспекторскомъ осмотрѣ колоній, разница въ размѣрѣ благосостоянія русскаго и иностранца-колонистовъ бросается въ глаза и позволяетъ большее благосостояніе иностранца приписать болѣе продуктивному его труду и нравственному превосходству. Но это неправильно, какъ можно судить изъ слѣдующей выписки объ осмотрѣ г. Слезскинскимъ колоніи Средней, находящейся на правомъ берегу Кольскаго залива, около 5 миль южнѣе Екатерининской гавани *).

„Первымъ водворился въ колоніи Средней, два года назадъ, русскій колонистъ, потомъ поселился лопарь и, наконецъ, финляндецъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ колоніи 3 двора, изъ коихъ одна землянка и въ нихъ 3 работника.—Русскій и лопарь, по бѣдности, ни „посудинъ“, ни рыболовныхъ снастей не имѣютъ, отчего съ весны и до зимы уходятъ на рыбные промыслы на Мурманское побережье, гдѣ и нанимаются работниками; у финляндца же есть карбасъ, на которомъ онъ ловитъ ярусомъ треску и сѣтками семгу...“ „Въ колонію Среднюю я отправился на шлюпкѣ и, выйдя на берегъ, прямо направился къ финляндцу. Его жилище—большой домъ, для колониста даже прекрасный; съ боковъ разные хлѣва, сараи, кладовыя. Войдя въ домъ, увидалъ большую комнату съ городской обстановкой: на стѣнахъ висѣли ружья, картины; на столахъ стояли бронзовые часы, судокъ и прочіе предметы, обращающіе на себя вниманіе, будучи встрѣчены въ такой глуши; финляндецъ предложилъ мнѣ краснаго вина,

*) Мурманъ. А. Слезскинскій. СПб. 1897 года, стран. 61 и 62.

сигары, сыру. Отвѣдавъ хорошія вина, посмотрѣлъ на ярлыкъ, — оказалось норвежское. Попробовалъ сигаръ — оказались гамбургскими. Я попросилъ колониста продать мнѣ этихъ продуктовъ—онъ согласился и повелъ меня въ кладовую. Здѣсь были всевозможные товары: соль, свѣжая и соленая семга, красный товаръ, кильки, сардины, законсервированные въ жестянныхъ коробкахъ бифштексы, котлеты и разные другіе съѣдобные предметы".

„Дворъ русскаго колониста представлялъ собою совершенно противуположную картину. Внутри землянки не было, какъ говорится, ни ложки, ни плошки, и внѣ ея ни кола, ни двора; бѣдность, убожество, нищета—запечатлѣвались на всемъ. Меня встрѣтила старуха, мать колониста, и горько плакала. Она разсказала, что переселились они сюда съ надеждой получить „способіе", на которое разсчитывали построить избу, купить корову, завести карбасъ, рыболовныя снасти и жить своимъ хозяйствомъ, ловя рыбку; подавали они прошеніе начальству и просили два года, а отвѣта никакого не послѣдовало. Въ нынѣшнюю бытность губернатора въ Екатерининской гавани они подали ему вторую бумагу и находятся въ отчаяніи, что ничего не будетъ; между тѣмъ землянка рушится, помощи ни откуда нѣтъ, сынъ ушелъ далеко на ловли — просто „кусить нечего". Вслѣдствіе такого положенія старуха просила меня посодѣйствовать о „способіи". Я утѣшилъ ее, объяснивъ, что эти дѣла скоро не дѣлаются, — наведутъ справки, заслушаютъ ихъ прошеніе, и, вѣроятно, она съ сыномъ получатъ просимое".

Очевидно, что высокое благосостояніе финляндца, поселившагося послѣ лопаря и русскаго, получено имъ вовсе не отъ высшей культуры и эксплоатаціи занятой имъ земли и не отъ лучшаго распоряженія пособіемъ и льготами, дарованными правительствомъ переселяющимся на Мурманъ колонистамъ, — а достигнуто затратою собственнаго капитала или вѣрнѣе иностраннаго кредита на

устройство факторіи и снабженіе оной иностранными товарами,—ужъ, конечно, не для продажи таковыхъ нищимъ своимъ односельчанамъ, которые притомъ не живутъ дома, а для торговли съ сосѣдними лопарями, обитающими вдоль береговъ Кольскаго залива или, говоря установленнымъ въ таможенномъ вѣдомствѣ терминомъ, всѣ безпошлинно запасенные финляндцемъ иностранные товары заготовлены для контрабанднаго водворенія ихъ внутри Лапландіи. Такимъ образомъ, благоустроенный домъ финляндскаго колониста представляетъ не болѣе какъ комиссіонерскую контору одного изъ заграничныхъ норвежскихъ домовъ, которому финляндецъ даетъ свое имя, т. е. званіе русскаго подданнаго колониста Мурмана, предоставляющее право торговать безпошлинно иностранными товарами для своего употребленія и для продажи въ колоніяхъ Мурмана.

Съ другой стороны, сосѣди финляндца, лопарь и русскій, очевидно дошли до бѣдственной нищеты не вслѣдствіе лѣности, невѣжества или пьянства, а въ силу того, что, не имѣя никакого капитала и кредита, они лишены были возможности устроить хозяйство на новомъ мѣстѣ, а пособіе правительства, которое одно могло бы устранить такое бѣдствіе, не было ими получено своевременно.

Эти примѣры приведены для практическаго подтвержденія того, что хотя льготы, дарованныя правительствомъ русскимъ и иностраннымъ колонистамъ, одинаковы, но условія водворенія на Мурманѣ тѣхъ и другихъ совершенно различны и требуютъ уравненія.

Кромѣ того, нельзя не видѣть того, что инородческая колонизація вовсе не интересуется водвореніемъ улучшеннаго земледѣлія и культуры ради примѣра русскимъ, корелякамъ и лопарямъ, поселяющимся на Мурманскомъ берегу, а имѣетъ главною цѣлью ихъ эксплоатацію посредствомъ торговли иностранными товарами. Что это очень выгодно—доказывается крупными капита-

лами, составленными въ весьма короткое время г.г. Пильфельдомъ, Кнюценомъ, Шершедомъ и множествомъ другихъ менѣе богатыхъ норвежско-финляндскихъ колонистовъ. Но всѣ льготы и пособія правительства дарованы вовсе не для обогащенія нѣсколькихъ десятковъ бѣдныхъ инородцевъ, а для ускореннаго и прочнаго заселенія Мурмана надежнымъ землеѣльческимъ и промысловымъ населеніемъ,— чего не даетъ совершившаяся норвежско - финляндская колонизація.

Конечно, имѣя въ виду привлечь на Мурманъ, кромѣ русской, и иностранную колонизацію, нельзя было достигнуть этой цѣли иначе, какъ предоставляя водворяющимся здѣсь колонистамъ самыя широкія льготы, чѣмъ и объясняется дарованіе таковыхъ. Не вдаваясь въ подробный анализъ этихъ льготъ, дарованныхъ 25 лѣтъ тому назадъ, при совершенно иныхъ условіяхъ существованія Мурманскаго берега, положеніями Комитета Министровъ, Высочайше утвержденными 22 ноября 1868 года, 14 мая 1876 года и 28 декабря 1890 года—разсмотримъ только значеніе двухъ дарованныхъ льготъ, имѣющихъ наиболѣе важное значеніе для успѣха русской колонизаціи на Мурманѣ.

Поселяющіеся на Мурманскомъ берегу колонисты могутъ [1]): „а) заниматься всякаго рода торговлею и промыслами на Мурманскомъ берегу безъ взятія установленныхъ на право торговли свидѣтельствъ и билетовъ; б) получать безпошлинно для своего употребленія и для продажи въ колоніяхъ и на всемъ Мурманскомъ берегу, привозимые на русскихъ и иностранныхъ судахъ, иностранные мануфактурные, колоніальные и другіе товары, каковые товары, въ предѣлахъ колоній, не признаются контрабандными, и в) освобождаются отъ платежа гербовыхъ сборовъ, за исключеніемъ совершенія купчихъ при покупкѣ земель“.

[1]) Сѣверъ Россіи—Путевыя замѣтки А. П. Энгельгардта. С.-Петербургъ. 1897 г., стр. 90 и 91.

Такъ какъ вслѣдствіе такой широкой свободы воспослѣдовало поголовное спаиваніе промышленниковъ норвежскимъ ромомъ, то Высочайше утвержденнымъ 6 января 1886 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта сдѣлано было ограниченіе—именно воспрещенъ привозъ на Мурманъ крѣпкихъ напитковъ, предоставляя иностраннымъ судамъ „имѣть эти напитки для продовольствія жителей въ количествѣ, по морскимъ правиламъ въ числѣ шкиперной провизіи дозволенномъ“.

Въ силу приведенныхъ Высочайше утвержденныхъ правилъ нельзя считать, что на Мурманѣ учреждено портофранко, хотя, за предполагаемою незначительностью, внѣшняя торговля колонистовъ оставлена безъ всякаго таможеннаго присмотра. По существу приведенныхъ законоположеній, свободная, безпошлинная торговля иностранными товарами составляетъ исключительную льготу колонистовъ и потому не должна распространяться на иностранныхъ купцовъ, а отсутствіе таможень должно бы совсѣмъ задержать приходъ въ порты Мурмана иностранныхъ кораблей, свободная торговля коихъ уничтожила бы всю важность льготы, дарованной мурманскимъ колонистамъ. Сдѣлать исключеніе только для однихъ норвежскихъ кораблей, не допуская прихода французскихъ, англійскихъ и проч., было бы противно международному праву и существующимъ торговымъ договорамъ Россіи. Безспорно, что безпошлинный ввозъ иностранныхъ товаровъ изъ Норвегіи былъ настоятельно необходимъ въ 1872 году, когда Мурманъ не имѣлъ сухопутнаго сообщенія и правильнаго пароходства для торговыхъ сношеній съ остальною Россіей,—почему колонистамъ было бы крайне трудно пріобрѣтать все необходимое для жизни въ отдаленномъ Архангельскѣ и другихъ портахъ Бѣлаго моря, пользуясь при этомъ лишь своими промысловыми, небольшими парусными судами. Этимъ и объясняется дозволеніе безпошлиннаго ввоза изъ Норвегіи иностранныхъ товаровъ съ

цѣлію обезпечить успѣхъ колонизаціи Мурмана, а не для искусственнаго усиленія внѣшней торговли при посредствѣ Норвежцевъ,—почему и безпошлинная торговля разрѣшена правительствомъ не всѣмъ, какъ это имѣетъ мѣсто при учрежденіи порто-франко, а исключительно однимъ колонистамъ Мурмана, которые этимъ путемъ могли бы не только обезпечить свое существованіе, но и увеличить благосостояніе, мѣняя въ Норвегіи произведенія своего промысла на иностранные товары и продавая послѣдніе съ выгодою въ Мурманскихъ становищахъ. Такое предположеніе на практикѣ осуществилось только отчасти; русскіе колонисты не могли имѣть кредита въ Норвегіи и не имѣли собственнаго капитала, а потому силою вещей не могли торговать съ Норвегіей иностранными товарами, — а воспользовались этимъ лишь одни колонисты-инородцы, имѣвшіе тамъ кредитъ и связи, пользуясь коими, постепенно превратились въ простыхъ комиссіонеровъ норвежскихъ фирмъ, конкуренція съ коими русскихъ колонистовъ и русскихъ людей, торгующихъ на Мурманѣ по торговымъ свидѣтельствамъ, оказалась невозможною. Инородцы-колонисты сдѣлались нынѣ монополистами въ торговлѣ иностранными товарами и эксплоатація ими поморскаго населенія не приноситъ никакой пользы успѣху колонизаціи, хотя и быстро обогащаетъ колонистовъ-комиссіонеровъ.

Другая,—не менѣе важная для иностранныхъ колонистовъ,—льгота состоитъ въ томъ, что „переселенцы на Мурманскій берегъ, не исключая иностранцевъ, принявшихъ подданство Россіи, подлежатъ отбыванію воинской повинности на общихъ основаніяхъ, но, впредь до особаго распоряженія, переселенцы сіи освобождаются отъ назначенія на дѣйствительную службу и зачисляются прямо въ запасъ флота; при этомъ переселенцы не призываются къ личному вынутію жребія, ни къ освидѣтельствованію ихъ здоровья и тѣлосложенія; жеребья же вынимаются за нихъ,

какъ за отсутствующихъ, предсѣдателемъ подлежащаго присутствія по воинской повинности, на основаніи ст. 142 устава о сей повинности, а требуемое на службу число новобранцевъ назначается въ порядкѣ, указанномъ въ статьѣ 146 и 142 означеннаго устава, безъ освидѣтельствованія" [1]).

При такомъ способѣ исполненія воинской повинности колонистами-инородцами,—они, очевидно, несутъ ее только фиктивно и весь запасъ ихъ, числящійся по спискамъ флота, приходится считать номинальнымъ и безполезнымъ, такъ какъ ни здоровье, ни тѣлосложеніе, ни годность этихъ запасныхъ морскихъ чиновъ—никому неизвѣстны и, стало быть, въ минуту необходимости, весь этотъ многочисленный запасъ можетъ оказаться совсѣмъ негоднымъ для службы. Между тѣмъ нельзя забывать, что наша сѣверная морская граница, при европейскихъ войнахъ, всегда подвергалась нападенію непріятеля, а потому, очевидно, нуждается въ реальныхъ защитникахъ, а не въ фиктивныхъ запасныхъ чинахъ флота.

Эти соображенія показываютъ, что обѣ разобранныя выше льготы, дарованныя колонистамъ съ 1872 года, требуютъ пересмотра и измѣненія, такъ какъ онѣ не отвѣчаютъ уже современнымъ условіямъ и интересамъ Мурмана, а менѣе всего содѣйствуютъ успѣху русской колонизаціи. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что инородческая колонизація не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Изъ недлинной исторіи этой колонизаціи и 40-лѣтняго опыта ея водворенія на лучшихъ земляхъ Мурманскаго берега,—видно, что никакой полезной государственной задачѣ эта колонизація не удовлетворяетъ и удовлетворять не можетъ, тѣмъ болѣе, что она совершилась безъ всякаго плана и безъ всякаго руководительства русской власти, совершенно случайно, вслѣдствіе недосмотра и ошибочныхъ взглядовъ лицъ, мало знакомыхъ съ русскимъ

---

[1]) Сѣверъ Россіи—Путевыя записки А. П. Энгельгардта. Спб. 1897, стр. 91 и 92.

народомъ и будущностію того края, гдѣ они проявляли свою дѣятельность. Никакого полезнаго примѣра водворенія высшей земледѣльческой культуры не дала эта колонизація сѣверному Поморью. Несмотря на сравнительно менѣе благопріятныя условія климата и почвы, примѣръ Соловковъ и Печенги до сихъ поръ представляетъ высшій идеалъ прогресса для большинства инородческихъ колонистовъ. Единичные примѣры Пильфельда, Кнюцена, Шершеда и друг., успѣвшихъ нажить крупные капиталы и завести образцовыя хозяйства, много говорятъ въ пользу предпріимчивости этихъ лицъ и умѣнья ихъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, но вовсе не служатъ доказательствомъ полезности норвежско-финляндской колонизаціи Мурмана, такъ какъ въ параллель съ быстрымъ обогащеніемъ поименованныхъ инородцевъ можно насчитать по крайней мѣрѣ вдвое болѣе русскихъ обитателей Архангельска и Поморья, успѣвшихъ въ тотъ же періодъ времени пріобрѣсти весьма крупные капиталы своими оборотами на Мурманскомъ берегу.

Эта послѣдняя параллель однако нисколько не ослабляетъ того факта, что норвежско-финляндская колонизація лучше воспользовалась льготами, дарованными правительствомъ переселенцамъ, чѣмъ русское населеніе всего Поморья,—но произошло это не въ силу инертности или нежеланія послѣдняго, а вслѣдствіе того, что инородческая колонизація, воспользовавшись, облегченною льготами, возможностью опираться на кредитъ сосѣдней Норвегіи,—обратила лучшія свои силы не на эксплоатацію, посредствомъ высшей культуры, отведенныхъ для нея земель, а на эксплоатацію, посредствомъ внѣшней торговли, всего промысловаго населенія Мурмана. Это конечно не составляло бы особаго бѣдствія,—такъ какъ для мурманскихъ промышленниковъ безразлично, кто наживается на ихъ счетъ: русскіе или иностранные благодѣтели,—если бы, сильные капиталомъ и внѣшнимъ кредитомъ, инородцы - колонисты не остава-

лись совершенно чужды Россіи и не злоупотребляли своимъ положеніемъ въ ущербъ общимъ интересамъ торгово-экономическаго прогресса Мурмана.—Бѣда въ томъ, что въ качествѣ мѣстныхъ обывателей, отлично зная безнадежно-безпомощное положеніе мурманскихъ поселенцевъ, вслѣдствіе слабости или вѣрнѣе отсутствія административной власти и охраны государственныхъ богатствъ въ нашихъ сѣверныхъ водахъ,—инородцы-колонисты, лично или при содѣйствіи норвежскихъ предпринимателей, допускаютъ насильственныя незаконныя дѣйствія, которыя оправдать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Такъ, напримѣръ, въ маѣ текущаго (1897) года, проживающій въ Вайда-губѣ въ качествѣ русскаго колониста нѣкто г. Бродкорнъ лишилъ улова сельдей все населеніе окрестностей Печенги. По его приглашенію 4 норвежскихъ парохода и 5 парусныхъ яхтъ прибыли въ Амбарную губу (на правомъ берегу при входѣ въ устье Печенги), окружили большими неводами всю зашедшую сюда сельдь, загнали ее въ крайній уголъ губы, загородили сѣтями узкій входъ въ этотъ угловой неглубокій бассейнъ и, затѣмъ, малыми неводами выловили и нагрузили на свои пароходы и суда всю массу выловленныхъ сельдей и отправились въ Норвегію. Интересно то, что кольскій исправникъ, т. е. главная административная сила на всемъ Мурманскомъ побережьѣ, въ это время, съ административнымъ пароходомъ „Мурманъ" находился въ Печенгѣ, а вслѣдствіе жалобъ жителей, встревоженныхъ приходомъ цѣлаго иностраннаго флота для ловли сельдей въ ихъ раіонѣ, безъ ихъ согласія и участія, отправился немедленно въ Амбарную губу для прекращенія насилія и безпорядка. Но при разборѣ дѣла на мѣстѣ, оказалось, что пришедшія иностранныя суда, прежде всего, заходили въ Вайду-губу, гдѣ „выправили" себѣ документы, доказывающіе, что русскій колонистъ Бродкорнъ дѣйствительно нанялъ ихъ для ловли сельдей, заниматься ловлею коихъ, вездѣ въ русскихъ водахъ, онъ имѣетъ полное право, а

потому сельди и отправились благополучно въ Норвегію въ ущербъ благосостоянію мѣстнаго русско-лопарскаго населенія, лишившагося значительной части средствъ къ существованію.

Другимъ примѣромъ злоупотребленія знаніемъ объ отсутствіи мѣстной власти и должной охраны русскихъ водъ на Сѣверѣ можетъ служить случай, происшедшій, тоже въ текущемъ году, въ портѣ св. Владиміра. Владѣлецъ, находящагося въ Еретикахъ, бездѣйствующаго китобойнаго завода г. Гебель имѣлъ при заводѣ парусное судно, которое и грузилось здѣсь рыбою для отправки въ Норвегію. Г. Гебель состоялъ должнымъ бывшему русскому консулу въ Вардэ г. Гольму, который, наскучивъ ожидать уплаты этого долга, пришелъ съ норвежскимъ пароходомъ въ портъ св. Владиміра, поднялъ якорь на грузившемся суднѣ и, на буксирѣ пришедшаго парохода, отвелъ его въ Норвегію. Такое насиліе и самоуправство въ иностранномъ портѣ, противорѣчащее всѣмъ законамъ и обычаямъ международнаго права, могло произойти собственно потому, что назначенный въ этомъ году для охраны русскихъ водъ на Сѣверѣ крейсеръ „Самоѣдъ", экономіи ради, занимался въ это время развозкою матеріаловъ для снабженія маяковъ по берегамъ Бѣлаго моря—и это, конечно, было извѣстно всѣмъ въ Норвегіи, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ какъ за назначеніемъ и выходомъ каждаго крейсера изъ Кронштадта, такъ и за нахожденіемъ его въ томъ или другомъ пунктѣ Сѣвернаго Поморья. Это вполнѣ естественно, ибо весь секретъ прибыльности промысловъ норвежскихъ флибустьеровъ въ русскихъ водахъ, —прибыльности, наносящей ежегодно непоправимый ущербъ русскимъ промысламъ, заключается въ отсутствіи реальной охраны принадлежащихъ Россіи водъ.

Изобрѣтательность, проявленная при ловлѣ сельдей въ Амбарной губѣ, не одинокій случай. Какъ извѣстно, на Восточномъ Мурманѣ часто, при изобиліи трески, встрѣ-

чается недостатокъ въ мелкой рыбѣ для наживки, въ то время, какъ на западномъ берегу Рыбачьяго полуострова мойва встрѣчается въ изобиліи. Это вынуждаетъ русскихъ промышленниковъ посылать промысловыя суда за наживкою вокругъ Рыбачьяго полуострова, что крайне неудобно. Одинъ изъ современныхъ мурманскихъ крезовъ, именно г. Кнюценъ, въ устраненіе этого, завелъ небольшой пароходъ для ловли и передачи мойвы съ Западнаго Мурмана на Восточный и въ прошломъ году этимъ путемъ заработалъ болѣе 10 тыс. рублей прибыли, ибо при отсутствіи наживки долженъ пріостановиться ловъ рыбы, а потому промышленники, во избѣжаніе этого, охотно готовы платить большія деньги, лишь бы достать наживку. Такимъ образомъ, выгодное предпріятіе г. Кнюцена полезно и для промышленниковъ,—но вызываетъ жалобы то, что онъ охватываетъ сѣтями стаи мойвы, заходящія въ Малую Волоковую и другія губы, загоняетъ мойву въ оконечность губы, загораживаетъ выходъ сѣтями и держитъ наживку въ такомъ естественномъ садкѣ болѣе мѣсяца, вылавливая по мѣрѣ надобности. Вслѣдствіе этого другіе промышленники, прибывающіе за мойвою, не находятъ таковой и возвращаются ни съ чѣмъ. Продолжается ли подобная операція въ текущемъ году, я не знаю, но въ бытность мою въ Малой Волоковой губѣ я встрѣтилъ тамъ на якорѣ въ углу губы пароходъ г. Кнюцена.

Незнаніе инородцами-колонистами русскаго языка и невѣденіе, вслѣдствіе того, русскихъ законовъ даетъ поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ. Такъ, по русскимъ законамъ морскія воды и берега составляютъ общую государственную собственность и потому промыслы здѣсь свободны и предоставляются каждому изъ русскихъ подданныхъ. Но колонисты на Западномъ Мурманѣ, для увеличенія общественныхъ капиталовъ, сдаютъ въ аренду частнымъ лицамъ береговую полосу земли, отведенной подъ колонію. Такъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, подобныя аренды

существуютъ въ Ура-губѣ, въ Лицѣ, Озерко, Моча-губѣ, Корабельной губѣ, Малой и Большой Волоковой, въ Ципъ Наволокѣ и вѣроятно въ другихъ финляндско-норвежскихъ колоніяхъ. Конечно сдача въ аренду государственныхъ свободныхъ земель и водъ, даже по общественному приговору сельскаго общества, состоящаго не изъ 1 норвежца и 1 финляндца, а изъ 40 дворовъ, составляющихъ колонію Земляную,—не можетъ остановить промысла русскихъ промышленниковъ на водахъ, прилегающихъ къ этой колоніи, но лишь въ такомъ случаѣ, если промышленники будутъ въ числѣ, превосходящемъ наличныя силы колоніи. Для отдѣльныхъ же ловцовъ подобныя незаконныя аренды могутъ подавать поводъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ и въ данномъ случаѣ не должны быть терпимы.

Остановимся на этомъ въ перечисленіи частностей неудовлетворительныхъ сторонъ норвежско-финляндской колонизаціи и постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, какую пользу извлекла и можетъ извлечь Россія изъ этой колонизаціи, при разрѣшеніи основной государственной своей задачи, требующей быстраго заселенія русской сѣверной окраины и возможно широкаго развитія прибыльныхъ морскихъ промысловъ на Мурманскомъ берегу для благосостоянія всего населенія на берегахъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря.

Непосредственный сорокалѣтній опытъ показываетъ, что на Западномъ Мурманѣ, точно также какъ на западной нашей границѣ и на Кавказѣ, инородческая колонизація не даетъ того, что, съ государственной точки зрѣнія, представляетъ самое настоятельное желаніе, именно не даетъ русскаго населенія, не даетъ самоотверженныхъ защитниковъ родной земли, въ случаѣ нападенія непріятеля на занимаемую ими пограничную территорію. Вспоминать, по этому случаю, Эльзасъ и Лотарингію можно будетъ черезъ 160 лѣтъ, такъ какъ двѣсти лѣтъ понадобилось для того, чтобы эти, этнографически нѣмецкія, провинціи

превратились въ національныя французскія земли, обитатели коихъ предпочитали эмиграцію во Францію поступленію подъ державу нѣмецкаго Императора. Россія едва ли на такой долгій срокъ избѣгнетъ европейской войны, при которой потребуется защита нашей сѣверной государственной границы—а потому, при самой колонизаціи этой границы, желательно по возможности упрочить ея защиту водвореніемъ русскаго элемента.

Вторая не менѣе важная государственная задача при заселеніи Мурманскаго побережья состоитъ въ развитіи русскаго морскаго могущества созданіемъ и защитою національнаго торговаго мореходства. Въ силу историческихъ и географическихъ условій естественнаго роста русскаго государства лучшею почвою, для осуществленія этой великой патріотической задачи, можетъ служить лишь открытый просторъ Сѣвернаго океана, на тысячи-верстныхъ побережьяхъ коего тысячу лѣтъ живутъ русскіе люди, основывая все свое благосостояніе на мореходствѣ и морскихъ промыслахъ; живутъ тѣ русскіе люди, предки коихъ на 100 лѣтъ опередили англичанъ въ открытіи Шпицбергена и уже промышляли звѣря на русскомъ островѣ Грумантѣ тогда, когда англичане еще не мечтали о возможности попасть въ устья Сѣверной Двины и начать торговлю съ Россіей. Развѣ можно найти какое-нибудь разумное основаніе для устраненія этихъ людей отъ заселенія Мурманскаго берега и предпочесть имъ кого-нибудь изъ иностранцевъ, начиная съ самыхъ просвѣщенныхъ мореплавателей— англичанъ и голландцевъ?

Въ третьихъ, весь мурманскій промыселъ нынѣ производится главнымъ образомъ обитателями Бѣломорскаго побережья, что должно продолжаться и въ будущемъ, при заселеніи самаго Мурманскаго берега, вмѣсто временныхъ становищъ, постоянными благоустроенными колоніями. Колоніи эти не должны устранять, но облегчать пребываніе на промыслахъ, временно прибывающихъ на

Мурманъ, бѣломорскихъ промышленниковъ, доставляя имъ тѣ удобства къ жизни, какихъ они нынѣ лишены вслѣдствіе отсутствія осѣдлаго населенія. Слѣдовательно, всѣ мѣры, принимаемыя для содѣйствія быстрому заселенію и экономическому прогрессу Мурмана, должны состоять въ тѣсной нераздѣльной солидарности съ развитіемъ такого же прогресса Бѣломорскаго побережья. Было бы совершенно нераціонально приносить въ жертву интересы Бѣломорскаго побережья для болѣе быстраго развитія Мурмана и наоборотъ, такъ какъ оба эти участка Сѣвернаго побережья составляютъ одну и ту же нашу морскую границу и въ государственномъ смыслѣ представляютъ одно цѣлое, тѣмъ болѣе нераздѣляемое, что населеніе обоихъ участковъ одинаково обезпечиваетъ свое существованіе мореходствомъ и морскими промыслами, находящимися на Мурманѣ. Западный Мурманъ уже сплошь занятъ норвежско-финляндскими колоніями, гдѣ населеніе живетъ совершенно отдѣльною самостоятельною жизнью и связано языкомъ и всѣми интересами съ сосѣднимъ Финмаркеномъ, опираются на населеніе, кредитъ и торговлю этой норвежской провинціи. Они не имѣютъ нужды и не ведутъ никакихъ сношеній ни съ Бѣломорскимъ побережьемъ, ни съ главнымъ его торгово-экономическимъ и административнымъ центромъ—Архангельскомъ. Вслѣдствіе этого, норвежско-финляндскія колоніи Западнаго Мурмана не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого полезнаго значенія, а тѣмъ болѣе вліянія на прогрессъ всего остальнаго Сѣвернаго Поморья, основныя силы коего находятся на берегахъ Бѣлаго моря, а потому самое быстрое заселеніе и прогрессъ этихъ инородческихъ колоній совершенно безполезны для осуществленія основной задачи правительства: доставить благосостояніе населенію Сѣвера и составляютъ отдѣльную задачу, не имѣющую ничего общаго съ развитіемъ Мурманскаго берега.

Въ четвертыхъ, въ торгово-экономическомъ развитіи

Мурмана участіе инородцевъ-колонистовъ не принесло и едва ли можетъ принести большую пользу русскому дѣлу на Сѣверѣ. Выше упоминалось, что инородцы-колонисты, обращая мало вниманія на развитіе земледѣльческой культуры, занялись главнымъ образомъ снабженіемъ мурманскихъ промышленниковъ безпошлинными иностранными товарами, что доставляло крупныя прибыли. До 1895 г. не было срочныхъ пароходныхъ сообщеній Мурмана съ Архангельскомъ и бѣломорскими портами, и потому норвежская торговля почти не встрѣчала серьезной конкуренціи съ русской стороны. Съ постепеннымъ же увеличеніемъ числа срочныхъ пароходныхъ рейсовъ, русская торговля на Мурманѣ оживилась, а съ 1895 года, когда учреждены еженедѣльные рейсы по всѣмъ становищамъ Мурмана и по портамъ Бѣлаго моря, — русская торговля настолько окрѣпла, что колонисты-инородцы должны были, помимо Мурмана, искать иныхъ рынковъ сбыта, которые и нашли въ Кольскомъ заливѣ, послѣ того, какъ Высочайше утвержденнымъ 23 іюня 1895 года положеніемъ Комитета Министровъ разрѣшено было, „впредь до указанія опыта, допустить ввозъ иностранныхъ товаровъ въ г. Колу безпошлинно". Изъ вышеприведеннаго описанія хозяйства финляндскаго колониста въ колоніи Средней — видно, что норвежская торговля имѣетъ уже въ Кольскомъ заливѣ прочныя точки опоры. Но это, конечно, далеко не то, что было бы желательно. Льгота безпошлинной торговли иностранными товарами дарована колонистамъ для развитія мурманскихъ промысловъ, а не для водворенія норвежской торговли въ русской Лапландіи, — и, стало быть, даже наиболѣе полезная дѣятельность инородцевъ-колонистовъ, которой они отдали лучшія свои силы, именно: наилучшее удовлетвореніе нуждъ мурманскихъ промышленниковъ посредствомъ безпошлинной внѣшней торговли, — принимаетъ совсѣмъ нежелательное направленіе.

Послѣ приведенныхъ фактовъ и соображеній, кажется,

пора прекратить хвалебные и ничѣмъ не заслуженные гимны норвежско-финляндской колонизаціи, такъ какъ она не даетъ ничего особенно полезнаго, чего бы Россія не могла найти у себя дома и въ большемъ количествѣ, и лучшаго качества. Но вредныя стороны этой колонизаціи, какъ при заселеніи лучшихъ земель Мурманскаго берега, такъ для общаго развитія національнаго русскаго мореходства и торговли, а также для общаго благосостоянія и экономическаго прогресса всего Сѣвера Россіи,—слишкомъ ярко выступаютъ и подтверждаются непосредственнымъ опытомъ покровительства этой колонизаціи въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. А потому въ интересахъ развитія Мурмана было бы весьма желательно пріостановить дальнѣйшее водвореніе здѣсь инородцевъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, при усиленіи русской колонизаціи, окажется недостатокъ въ удобныхъ земляхъ и потому увеличеніе норвежскихъ колоній возможно лишь по берегамъ Кольскаго залива, т. е. внутри Лапландіи, что совершенно не отвѣчаетъ общимъ государственнымъ интересамъ Россіи.

Самый капитальный мотивъ, послужившій для устраненія русской колонизаціи, заключается въ томъ, что будто бы русскіе люди не могутъ жить, не могутъ хорошо устроиться, да и совсѣмъ не желаютъ селиться на Мурманѣ, несмотря на всѣ предоставляемыя имъ льготы. Это приходится слышать и въ наше время, а потому необходимо выяснить подобное странное недоразумѣніе, — опровергаемое современнымъ положеніемъ колонизаціи и всею исторіею нашего Сѣвера.

Говорить о непригодности русскихъ людей для колонизаціи Сѣвера и ихъ неспособности хорошо тамъ устроиться—нельзя уже потому, что русское населеніе господствуетъ на берегахъ Сѣвернаго океана со временъ торговаго величія Великаго Новогорода, и тысячелѣтній опытъ ихъ фактическаго жительства гораздо болѣе убѣдителенъ, чѣмъ донесенія маркиза де-Траверсе, Казначеева, Бойля

и проч. Русскіе люди не только жили здѣсь, но воевали съ сосѣдями и не допустили ихъ захватить эту русскую территорію. Не далеко то время, именно въ царствованіе Екатерины II (1775 г.), когда на всемъ Финмаркенѣ жило только 300 семействъ норвежцевъ, или не болѣе 1,500 душъ, тогда какъ русское Поморье высылало туда на рыбные промыслы до 1,000 человѣкъ промышленниковъ. Тогда со стороны норвежскаго купечества поступали постоянныя жалобы на захватъ русскими всей торговли и промысловъ Фирмаркена, что и заставило норвежское правительство въ 1789 году обратить особое вниманіе на развитіе Финмаркена *). Съ тѣхъ поръ прошло одно столѣтіе: Россія далеко ушла впередъ въ культурномъ и торговомъ отношеніяхъ и заняла первенствующее международное положеніе въ Европѣ,—почему же на Мурманѣ все отодвинулось далеко назадъ и обитатели русскаго Поморья, сто лѣтъ тому назадъ господствовавшіе въ торговлѣ и промыслахъ Финмаркена, нынѣ угнетаются норвежцами не только на Финмаркенѣ, но и на своей родной землѣ?

Какъ объясняютъ и какъ будутъ объяснять эту задачу отдѣльныя личности, разбирать не стоитъ, такъ какъ исторія развитія Финмаркена даетъ на это фактическій и поучительный для насъ отвѣтъ. Убѣдившись въ правотѣ жалобъ купечества, торгующаго на Финмаркенѣ, норвежское правительство составило цѣльный планъ развитія этой провинціи, которому неуклонно слѣдуетъ съ 1789 года и до нашихъ дней. Оно прежде всего не щадило жертвъ и силъ для улучшенія и благосостоянія и поднятія нравственнаго уровня населенія Финмаркена, посредствомъ учрежденія всевозможныхъ школъ: начальныхъ, коммерческихъ, мореходныхъ техническихъ и профессіональныхъ, что неизбѣжно должно было благотворно отразиться на всей жизни населенія и, въ особенности, на улучшеніи

*) О современномъ положеніи русскаго торговаго мореходства — Н. А. Шавровъ. Москва. 1895, стр. 55.

промысловъ и торговли. Не жалѣло норвежское правительство также жертвъ на пособіе всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ; на научныя изслѣдованія края и промысловъ; на устройство становищъ, селеній и городовъ и на приспособленіе своихъ гаваней къ безопасной стоянкѣ судовъ и удобствамъ грузовой операціи; всѣ берега освѣтились огнями, обезпечились опознавательными знаками—такъ что плаваніе промысловыхъ судовъ у береговъ Норвегіи ночью и днемъ одинаково предохранено отъ случайныхъ аварій и крушеній,—и, наконецъ, построило даже крѣпость Вардегузъ, вовсе ненужную для интересовъ промышленниковъ, но фактически выражающую силу и рѣшимость норвежскаго правительства крѣпко охранять принадлежащія ему воды. Но поучительнѣе всего то, что при исполненіи всѣхъ этихъ мѣропріятій норвежскому правительству не приходилось ни отмѣнять, ни измѣнять первоначальныхъ своихъ проектовъ, такъ какъ среди всѣхъ своихъ крупныхъ и мелкихъ агентовъ, среди ученыхъ сословій, учено-патріотическихъ обществъ и въ массѣ публики—оно встрѣчало не только горячее сочувствіе, но и патріотическое содѣйствіе при изслѣдованіи и осуществленіи всѣхъ мѣропріятій, которыя могли содѣйствовать или тормазить торгово-экономическій прогрессъ Финмаркена. Все хорошо обдуманное не менѣе хорошо исполнялось.

У насъ, съ конца прошлаго столѣтія до 1870 года, въ силу историческихъ причинъ торгово-экономическое развитіе Мурмана шло совсѣмъ инымъ путемъ. Со времени Петра Великаго, правительство, занятое усиленнымъ развитіемъ мореходства и торговли на Балтійскомъ морѣ, предоставило заботу объ экономическомъ развитіи Сѣвера частной предпріимчивости, къ сожалѣнію въ самой нежелательной формѣ,—именно въ формѣ монополіи, которая была особенно отяготительна при малочисленности и бѣдности населенія Сѣвера и потому не могла дать никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Такъ, въ 1703 году эта мо-

нополія предоставлена была Меньшикову; въ 1725 году Шафирову, вмѣстѣ съ иностранными и архангелогородскими купцами, которому и отданъ былъ на откупъ семужій промыселъ. Но вслѣдствіе жалобъ жителей управленіе этимъ дѣломъ приняла на себя казна, получившая въ 1762 году, т. е. при концѣ существованія этой монополіи, 47,492 рубля ежегоднаго дохода. При Екатеринѣ II, въ 1768 году, эта монополія была уничтожена, но вредныя ея послѣдствія продолжаются до нашихъ дней въ видѣ истребленія Онежскихъ лѣсовъ, предоставленныхъ въ распоряженіе англичанина Гома въ 1752 году.

Въ 1803 году, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Самого Государя Императора, состоялось учрежденіе акціонернаго общества подъ фирмою: „Бѣломорская компанія" по проекту архангельскихъ купцовъ Дорбекера, Анфилатова и Попова *) „съ цѣлію усовершенствованія и распространенія на Сѣверѣ сельдяныхъ и китовыхъ промысловъ по примѣру Голландіи".—Компанія получила большія льготы, г. Кола и Екатерининская гавань были отданы въ ея распоряженіе, но она не могла собрать всего основнаго капитала и начала дѣйствія при ограниченныхъ средствахъ и не ознакомившись съ мѣстными затрудненіями, а потому не могла развить своихъ операцій и вести ихъ съ успѣхомъ; тѣмъ не менѣе въ 1806 году компанія организовала китобойный промыселъ у Шпицбергена и въ ея распоряженіи состояло 11 кораблей и столько же транспортовъ. Но въ 1806 году, хотя мы и находились въ дружбѣ съ Англіей, англійское военное судно, поднявъ французскій флагъ,—напало на китобойный трехмачтовый корабль компаніи и сожгло его. Вслѣдъ затѣмъ по Тильзитскому миру мы присоединились къ континентальной системѣ Наполеона I, почему англичане, въ 1809 году, уже открыто, подъ собственнымъ флагомъ, прибыли на Мурманскій берегъ, сожгли Колу, всѣ заве-

*) Исторія г. Архангельска. С. Ѳ. Огородникова. СПб. 1890 г. стр. 261.

денія компаніи въ Екатерининской гавани и истребили всѣ поморскія суда, чѣмъ и прекратили жизнь Бѣломорской компаніи, ликвидировавшей свои дѣла окончательно въ 1813 году.

Въ 1844 году извѣстный капиталистъ Илья Грибановъ и К° представилъ правительству проектъ учрежденія частной акціонерной „Полярной компаніи“ для эксплоатаціи сѣверныхъ лѣсовъ, рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, испрашивая, въ числѣ льготъ, до устройства своихъ солеваренныхъ заводовъ, разрѣшеніе привозить изъ заграницы соль безпошлинно. Проектъ этой компаніи былъ одобренъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и для успѣха ея признано возможнымъ допустить привозъ до 70 т. пудовъ соли въ первыя 10 лѣтъ безпошлинно, а затѣмъ съ постепеннымъ прибавленіемъ пошлины. Иностранное купечество въ Архангельскѣ, признавая существованіе русской компаніи враждебнымъ для своихъ интересовъ, обратилось съ ходатайствомъ къ бывшему тогда архангельскому губернатору маркизу де-Траверсе, который въ своихъ соображеніяхъ о вредѣ предполагаемой компаніи представилъ Министру Финансовъ, что вслѣдствіе безпошлиннаго ввоза соли казна лишится доходовъ и дѣятельность компаніи подорветъ солевареніе, торговлю смолою и отниметъ всѣ заработки у Шенкурскихъ крестьянъ. Такая забота о казенномъ интересѣ и благосостояніи края — остановила учрежденіе общества, но не сберегла доходовъ казны, получаемыхъ отъ привоза изъ заграницы соли, такъ какъ въ 1847 году маркизъ де-Траверсе, по желанію иностранныхъ купцовъ, „для облегченія бѣдныхъ рыбопромышленниковъ“ исходатайствовалъ безпошлинный привозъ соли во всѣ становища Архангельской губерніи, чѣмъ нанесенъ былъ ударъ солеваренію на Сѣверѣ, а затѣмъ преемникъ маркиза де-Траверсе Бойль въ 1852 году исходатайствовалъ безпошлинный отпускъ соли въ неограниченномъ числѣ и къ г. Архангельску и въ Бѣломорскіе порты,

чѣмъ нанесенъ былъ окончательный ударъ мѣстному солеваренію *).

Въ 1858 году учреждено было архангельскими купцами: Гувелякенъ, Гернетъ и Брандтъ новое частное акціонерное общество подъ тѣмъ же именемъ „Бѣломорской компаніи“, но оно, начиная очень широко дѣло — не имѣло достаточно капитала, чтобы вести его солидно, а потому вслѣдствіе большихъ потерь при крушеніи незастрахованныхъ судовъ и при торговыхъ операціяхъ прекратило свою дѣятельность въ 1868—1871 гг. и окончательно ликвидировано въ 1883 г. **).

Приведенный выше краткій перечень неудачныхъ попытокъ содѣйствовать развитію Сѣвера — указываетъ на одну и ту же причину неуспѣха, именно: на незнаніе того, что можно и что слѣдовало предпринять для увеличенія благосостоянія населенія Сѣвера, которое при его малочисленности какъ будто бы и совсѣмъ не принималось въ расчетъ, а все основывалось на содѣйствіи правительства и на силѣ капитала, собрать который въ достаточномъ для дѣла количествѣ, при возникавшихъ на мѣстѣ затрудненіяхъ, не удалось ни одной изъ ликвидировавшихся компаній. Иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ до 1870 года, когда совершилось первое Августѣйшее путешествіе вдоль нашей морской границы Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, о положеніи Поморья не было точныхъ, вѣрныхъ данныхъ даже въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія мнѣній, проектовъ и соображеній лицъ, управляющихъ нашею сѣверною окраиною и чрезвычайно часто смѣнявшихся. Наше общественное мнѣніе въ началѣ текущаго столѣтія было слишкомъ увлечено изученіемъ Франціи и очень мало интересовалось Россіей. Въ моментъ высокаго возбужденія русскаго національнаго

*) Тамъ же, стр. 304—307.

**) Тамъ же, стр. 264.

чувства, послѣ славной защиты Севастополя и Парижскаго трактата,—когда всѣ съ горячею любовью принялись за изученіе Россіи,—все вниманіе было обращено у насъ на постройку желѣзныхъ дорогъ на юго-западѣ и на крестьянскую реформу 1861 года съ ея послѣдствіями. Сѣверъ Россіи, — откуда нельзя было ждать европейскаго нашествія, остался въ сторонѣ при заботахъ о начертаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, а крестьянская реформа совсѣмъ не коснулась его, такъ какъ крѣпостнаго состоянія на Сѣверѣ никогда не было. Этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что о нуждахъ нашей сѣверной государственной морской границы и ея важности знали и безплодно хлопотали лишь тѣ, кто жилъ на Поморьѣ. Сотни докладовъ о бѣдственномъ положеніи Сѣвера, прочитанныхъ послѣ Крымской войны въ Петербургскихъ ученыхъ обществахъ покойнымъ М. К. Сидоровымъ и другими лицами, не могли возбудить должнаго патріотическаго вниманія къ настоятельности защиты Поморья отъ иностраннаго нашествія и поднятія нравственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія этой исключительно русской мореходной окраины. Нужны были такія могущественныя силы, какъ путешествіе на Сѣверъ и личное ознакомленіе съ его нуждами въ Бозѣ почившаго Великаго Царя-Миротворца Императора Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II, въ бытность Ихъ Императорскими Величествами Наслѣдниками Престола,—чтобы выяснить для всѣхъ важное значеніе нашей сѣверной морской границы,—чтобы ожило, наконецъ, заброшенное Поморье, подъ плодотворнымъ вліяніемъ раціональныхъ мѣръ, обезпечивающихъ здоровье, жизнь и благосостояніе промышленнаго населенія Сѣвера, и эта суровая, но весьма богатая окраина Россіи сдѣлалась предметомъ серьезнаго и постояннаго изученія Правительственныхъ комиссій, авторитетныхъ лицъ, отдѣльныхъ ученыхъ и ученыхъ обществъ. Державной волею Августѣйшаго Хозяина Русской земли вопросъ

о развитіи Мурмана поставленъ нынѣ на тотъ самый вѣрный путь, по которому нѣкогда обездоленный Финмаркенъ достигъ современнаго благосостоянія, и затѣмъ не можетъ быть сомнѣнія, что при заботахъ правительства и патріотическомъ содѣйствіи всѣхъ русскихъ людей,—талантливое и энергическое населеніе Поморья, опираясь на 130 милліоновъ жителей внутреннихъ губерній, потребуетъ не столѣтія, а десятковъ лѣтъ для того, чтобы заселить Мурманъ и доставить его обитателямъ то торгово-экономическое развитіе, которымъ уже обладаетъ нынѣ Финмаркенъ. Такое мнѣніе не патріотическое увлеченіе, а выводъ изъ быстраго развитія Мурманскихъ промысловъ въ послѣдніе года. Съ 1881 года, когда въ позабытыхъ, оставленныхъ безъ всякой медицинской помощи и разсѣянныхъ по берегу становищахъ Мурмана явился „красный крестъ"; когда установили правильные рейсы отъ Архангельска вдоль Мурмана и появилась въ становищахъ постоянная „власть", хотя въ весьма слабой и неудовлетворительной формѣ полицейскаго урядника,—число промышленниковъ изъ года въ годъ увеличивается. Въ 1882 году, по свѣдѣніямъ, собраннымъ докторомъ Андреевымъ, на Мурманскихъ промыслахъ было лишь 2,026 человѣкъ промышленниковъ, считая въ томъ числѣ фактористовъ, ихъ прислугу и малолѣтнихъ рабочихъ (зуйковъ). Въ 1895 году на промыслахъ было 997 судовъ съ 4,551 промышленниковъ *), или въ теченіе 13 лѣтъ промыслы болѣе чѣмъ удвоились,—что и служитъ указаніемъ, какъ быстро могутъ развиваться Мурманскіе промыслы въ будущемъ при усиленной и раціональной помощи правительства. Конечно, отъ современнаго размѣра промысловъ далеко еще до того положенія, въ какомъ они находились во времена Ломоносова (при Екатеринѣ II), когда на Мурманскіе промыслы выходило до 10,000 ловцовъ. Такого числа промышленниковъ не

*) Мурманъ. А. Слезскинскаго. СПб. 1896 г. Таблица на стр. 136.

можетъ выставить въ наше время Поморье, но не потому, что Поморы меньше любятъ море и сдѣлались менѣе смѣлыми моряками сами Поморы, а потому, что, за недостаточною охраною нашихъ водъ и интересовъ русскихъ промышленниковъ дома и заграницею, а также за прекращеніемъ русской активной внѣшней торговли въ Архангельскѣ,—мореходство и морскіе промыслы сдѣлались менѣе прибыльнымъ дѣломъ, и часть Поморовъ обратилась къ болѣе выгоднымъ и постояннымъ заработкамъ на многочисленныхъ лѣсопильныхъ заводахъ. Но это зло радикально устраняется привлеченіемъ русскаго населенія изъ сѣверныхъ и внутреннихъ губерній, которое найдетъ на Поморьѣ не только вѣрный заработокъ, но и обильные источники и средства обогащенія.

До сихъ поръ мы привыкли слышать только жалобы на бѣдственное положеніе Поморовъ и невыгодное для послѣднихъ сравненіе съ колонистами-инородцами. Всѣ эти жалобы имѣютъ нѣкоторое основаніе при поверхностномъ сравненіи хозяйственнаго устройства русскихъ и инородческихъ колоній, но, какъ выше было доказано фактами, условія, при которыхъ водворяются здѣсь тѣ и другіе колонисты, совершенно различны и весьма неблагопріятны для одинокихъ русскихъ поселковъ, заброшенныхъ безъ помощи среди чуждыхъ людей и новыхъ условій жизни. У себя дома по берегамъ Бѣлаго моря большинство Поморовъ живетъ въ довольствѣ, имѣетъ просторные, чисто содержимые дома и домашнюю обстановку, нисколько не хуже финляндско-норвежскихъ колонистовъ, не занимающихся комиссіонною норвежскою торговлею; а ихъ заработки, одежда, питаніе и всѣ условія жизни далеко лучше, чѣмъ у большинства крестьянъ сѣверныхъ и внутреннихъ губерній, удаленныхъ отъ моря. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что, имѣя возможность ознакомиться съ Поморьемъ, большинство этихъ крестьянъ, страдающихъ отъ малоземелья и недостатка заработковъ, охотно оставили

бы свои насиженныя мѣста, гдѣ не находятъ средствъ къ прокормленію себя и семьи, водворились бы на Поморьѣ и принялись за морскіе промыслы на Мурманѣ.

Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, несмотря на оффиціальные разговоры о привлеченіи русскаго элемента къ заселенію сѣвернаго побережья—русскій человѣкъ лишенъ возможности съ нимъ познакомиться — за отсутствіемъ удобныхъ сухопутныхъ и морскихъ сообщеній сѣверной окраины со внутренностью страны. Исторія всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ показываетъ одинаково, что всѣ тѣ земли, куда не могутъ проникать колонисты, остаются безъ колонизаціи. При водвореніи колонизаціи на Мурманѣ эта общеизвѣстная аксіома была забыта: никто не обратилъ вниманія на полное отсутствіе удобныхъ сообщеній съ внутренними губерніями и всѣ заботы о привлеченіи русскаго населенія сосредоточились лишь на дарованіи самыхъ широкихъ льготъ переселенцамъ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей русскіе обитатели внутреннихъ губерній не могли добраться до Мурмана, а потому и воспользовались дарованными правительствомъ льготами сосѣди Мурмана, Норвежцы и Финляндцы, которые могли прибыть моремъ на своихъ елахъ или даже пробраться по дорогѣ пѣшкомъ и могли занять лучшія земли на незамерзающей части морскаго побережья. Отсутствіе русскихъ колонистовъ по канцелярскимъ отчетамъ о результатахъ дарованной правительствомъ широкой помощи поселенцамъ на Мурманѣ объяснено было нежеланіемъ селиться на Сѣверѣ и непригодностью для колонизаціи русскихъ,—и такое мнѣніе распространилось даже въ высшихъ сферахъ, хотя оно находится въ прямомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью и всею исторіею Россіи. Если сотни тысячъ русскихъ людей ежегодно переселяются въ Сибирь, не страшась ни долгихъ зимнихъ ночей, ни 40° морозовъ и отдаленности пути, то, конечно, всегда нашлись бы многія сотни охотниковъ изъ русскихъ для водворенія на Мурманѣ, если

бы туда можно было пробраться сухопутно и привезти семью на собственной лошади безъ денежныхъ расходовъ, какъ происходитъ колонизація Сибири и Сѣвернаго Кавказа. Но это было невозможно и потому надо удивляться не тому, что въ силу дарованныхъ льготъ на Мурманъ не направлялся потокъ русской колонизаціи, а тому, что несмотря на всѣ затрудненія и препятствія со стороны природы и канцелярій—нашлось хотя нѣсколько русскихъ людей, которые успѣли добраться до Мурмана и прочно на немъ водворились. Нынѣ доступъ русскому населенію къ Поморью открытъ постройкою Вологодско - Архангельской дороги, а съ рѣшеніемъ постройки дороги изъ Петербурга до порта на незамерзающей части Мурмана сдѣлается доступною для русскихъ людей и эта часть нашей сѣверной морской государственной границы, а потому желаніе водворить здѣсь преимущественно русскій элементъ перестаетъ быть „добрымъ намѣреніемъ“, но должно обратиться въ реальный фактъ. Какія же мѣры должно принять чтобы достигнуть раціональнаго и быстраго осуществленія этой важной государственной задачи?

Выше выяснено, что Державною волею Государя Императора вопросъ этотъ уже поставленъ на тотъ единственно вѣрный путь пользуясь которымъ Финмаркенъ освободился отъ господства русской торговли и достигъ современнаго благосостоянія, а потому, при проектированіи мѣропріятій, намъ и слѣдуетъ принимать въ соображеніе историческій примѣръ Финмаркена.

Страдая въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія недостаткомъ населенія, норвежское правительство не считало возможнымъ привлекать какими нибудь льготами для колонизаціи Финмаркена русскихъ своихъ сосѣдей, но приняло всѣ возможныя мѣры къ стѣсненію ихъ дѣятельности на Норвежской землѣ,—что и достигалось дарованіемъ исключительныхъ правъ, преимуществъ и пособій

коренному норвежскому населенію. Эта универсальная международная практика должна быть усвоена и нами. Инородческая колонизація на Мурманѣ должна быть совсѣмъ пріостановлена, тѣмъ болѣе, что для новыхъ колоній уже осталось немного удобныхъ свободныхъ земель. Это тѣмъ болѣе настоятельно необходимо, что инородческая колонизація на практикѣ совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, но повела къ большимъ злоупотребленіямъ при эксплоатаціи промышленнаго населенія Мурмана. Если колонисты-инородцы, пользуясь иноземнымъ кредитомъ и помощью, устроились лучше, чѣмъ немногочисленные русскіе колонисты, то это вовсе не служитъ доказательствомъ раціональности предпочитать инородческую колонизацію, а, наоборотъ, требуетъ усиленныхъ заботъ о русской. Если норвежцы, англичане, нѣмцы и пр. хорошо устраиваются въ Россіи, то это нисколько не увеличиваетъ благосостоянія русскихъ колонистовъ, которые, пособіями правительства и заботами администраціи, должны быть доведены до той же степени благосостоянія, какъ и инородцы,—и если этотъ процессъ совершается медленнѣе, чѣмъ желательно начальству, то совсѣмъ не раціонально лишать ихъ за это права жить на родной землѣ, отдавая таковую иностранцамъ. При этомъ нельзя также забывать, что все Сѣверное Поморье, съ открытымъ круглый годъ океанскимъ просторомъ и русскимъ населеніемъ, представляетъ исключительную часть территоріи Европейской Россіи, гдѣ русское морское могущество можетъ быстро развиваться естественнымъ путемъ, никому не угрожая и не нарушая ничьихъ международныхъ интересовъ.

Обитающіе на Мурманѣ и Бѣломорскомъ побережьѣ поморы, потомки свободолюбивыхъ новогородцевъ, усиленные пришедшими изъ внутреннихъ губерній крестьянами,—представляютъ чрезвычайно талантливое и энергическое населеніе, физически крѣпкое и здоровое, благодаря сѣ-

верному климату и условіямъ трудовой морской промысловой жизни. Крѣпостнаго состоянія никогда не было на Сѣверѣ, а потому личная инициатива, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая, выработала изъ поморовъ самыхъ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей, не падающихъ духомъ при самыхъ тяжкихъ неудачахъ. Между ними нерѣдко встрѣтить промышленниковъ, которые, начиная покручникомъ, т. е. рабочимъ на промыслѣ, трудомъ и энергіею добиваются возможности обзавестись своимъ собственнымъ судномъ, отправляются на немъ въ Архангельскъ, забираютъ въ кредитъ муку, везутъ ее въ Норвегію, мѣняютъ на рыбу и при неудачной продажѣ этой рыбы, по возвращеніи въ Архангельскъ, не выручаютъ процентовъ и суммы стоимости взятой въ кредитъ муки, — вслѣдствіе чего судно подвергается продажѣ съ аукціона въ пользу кредитора, а судохозяинъ вновь поступаетъ въ покручники, вновь заводится судномъ, повторяетъ мучную операцію въ Архангельскѣ и лишается опять судна, чтобы опять поступить въ покручники и начать въ третій разъ добывать себѣ судно. Еще болѣе энергіи проявляютъ тѣ изъ поморовъ, которые, вмѣсто званія судохозяина, избираютъ карьеру кормчаго, изучаютъ практически и теоретически мореходное дѣло, выдерживаютъ при Архангельскихъ шкиперскихъ курсахъ экзаменъ на званіе штурмана дальняго плаванія, отправляются за границу для плаванія на иностранныхъ коммерческихъ судахъ и возвращаются въ Россію достойными капитанами большихъ судовъ дальняго плаванія. Для русскаго интеллигента, посѣщающаго Поморье, представляется совершенною неожиданностью встрѣча здѣсь съ русскимъ мужикомъ, который уважаетъ себя и свое званіе, нисколько не стѣсняясь имъ, безъ всякаго бахвальства подаетъ руку и ведетъ разговоръ съ интеллигентомъ такъ же просто, какъ и съ своимъ сосѣдомъ.

Но при всѣхъ достоинствахъ и хорошихъ качествахъ

отдѣльныхъ лицъ въ общей массѣ поморовъ весьма замѣтны однако неизбѣжныя послѣдствія того печальнаго факта, что въ теченіе всего текущаго столѣтія мѣстная власть была очень индифферентна къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня населенія. Предоставленное собственному произволу и невѣжеству Поморье не могло дать никакого отпора разрѣшенному въ 1872 году безпошлинному привозу норвежскаго рома и поголовному спаиванію фактористами промышленниковъ на Мурманскомъ берегу. Это, доставляя быстрое обогащеніе фактористамъ, торговавшимъ ромомъ, тяжело отразилось на нравственномъ уровнѣ промышленниковъ и на благосостояніи ихъ семей, получавшихъ большею частью для своего существованія лишь незначительную часть промысловаго заработка. Вслѣдствіе этого, свободная продажа рома была воспрещена въ 1886 году; но этимъ запрещеніемъ не прекратилось однако пьянство и всѣ тяжкія его послѣдствія, а произошла лишь замѣна норвежскаго рома русскою водкою. Конечно, пьянство въ массѣ простаго народа распространено также сильно и въ другихъ частяхъ Россіи и борьба съ этимъ зломъ какъ у насъ, такъ и въ другихъ государствахъ Европы представляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ правительства. Но это соображеніе нисколько не ослабляетъ необходимости уничтожать существующее зло на Мурманскихъ промыслахъ, которые вмѣсто увеличенія благосостоянія Поморья болѣе всего служатъ для обогащенія торговцевъ водкою.

Послѣ этой краткой характеристики матеріала, съ которымъ будетъ имѣть дѣло правительство при колонизаціи и благоустройствѣ Мурманскаго берега и состоящаго въ тѣсной неразрывной съ нимъ солидарности Бѣломорскаго Поморья,—выскажемъ нѣсколько предположеній о мѣрахъ, которыя могли бы содѣйствовать наиболѣе успѣшному привлеченію и водворенію русскаго элемента. Мѣры эти раз-

нообразны и сложны, но ихъ удобнѣе всего сгруппировать около трехъ основныхъ административныхъ задачъ, а именно:

1, Поднятіе нравственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія населенія.

2, Сооруженіе желѣзной дороги для соединенія съ внутренними губерніями и развитіе пароходныхъ сообщеній.

3, Учрежденіе торговаго и военнаго порта,—на незамерзающей части нашей морской государственной границы.

Мѣры для поднятія нравственнаго уровня и благосостоянія населенія Мурмана.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что первымъ шагомъ къ развитію благосостоянія Мурмана, посредствомъ усиленія русскаго элемента, должно быть прекращеніе инородческой колонизаціи. Первымъ шагомъ при исполненіи этой государственной задачи должно быть подробное ознакомленіе мѣстной администраціи съ современнымъ положеніемъ наличныхъ становищъ и поселковъ и обитающаго въ нихъ населенія для водворенія въ средѣ его какого-нибудь подобія порядка, правосудія, административнаго надзора и руководительства. При тысячеверстномъ разстояніи Мурмана отъ административнаго его центра Архангельска, одинъ кольскій исправникъ,—съ помощникомъ, полицейскимъ надзирателемъ, двумя становыми приставами и тремя городовыми,—совершенно безсиленъ, даже и при посредствѣ особыхъ урядниковъ въ каждомъ становищѣ, водворить какой нибудь порядокъ среди промысловаго населенія и сколько нибудь устранить тотъ безобразный хаосъ, который господствуетъ въ отношеніяхъ судохозяевъ, скупщиковъ, фактористовъ и рабочихъ и составляетъ главную причину малой продуктивности нашихъ промысловъ сравнительно съ норвежскими. Въ отношеніяхъ колонистовъ къ землѣ, ими занимаемой, между собой и къ своимъ обязанностямъ передъ правительствомъ, господ-

ствуетъ тоже полная неопреледѣнность, вслѣдствіе ничѣмъ не стѣсняемой возможности самовольнаго переселенія и поселенія отдѣльныхъ дворовъ и цѣлыхъ поселковъ, при чемъ руководство колонизаціей становится немыслимымъ для мѣстной администраціи, при ея абсолютно недостаточномъ личномъ составѣ. Правда, все населеніе Кольскаго полуострова въ 1895 году опредѣлялось лишь въ 8,690 душъ *), считая въ томъ числѣ русскихъ 5,720 душъ (65%), финляндцевъ 810 (9,5%) душъ, норвежцевъ 220 (2,7%) и лопарей 1940 (23%) душъ, но при этомъ площадь Кольскаго полуострова составляетъ 2690 кв. миль или 131.860 кв. вер. **), или почти половину площади, занимаемой Финляндіей, гдѣ на такое пространство земли причитается цѣлыхъ четыре губернскихъ администраціи съ надлежащимъ числомъ административныхъ и общественныхъ учрежденій. На Кольскомъ же полуостровѣ вся эта масса административныхъ силъ замѣняется однимъ исправникомъ съ перечисленными помощниками, не имѣющимъ, очевидно, никакой физической возможности знать, что дѣлается на порученной ему громадной территоріи, а тѣмъ болѣе руководить дѣятельностью рѣдко разбросаннаго на ней населенія. Такимъ образомъ, на этой важной для Россіи окраинѣ, при самой большой энергіи административныхъ агентовъ,—можетъ происходить только дѣятельная канцелярская переписка, а на практикѣ вездѣ оказывается, такъ сказать, безпомощность власти, т. е. невозможность что либо сдѣлать, а часто и полное ея отсутствіе за неимѣніемъ органовъ таковой. При такомъ положеніи вещей немыслимо руководительство колонизаціею, немыслимо оказывать своевременную помощь и пособіе нуждающимся колонистамъ и, стало быть, невозможна успѣшная колонизація, такъ какъ всѣ мѣры правительства парализируются недостаткомъ времени для ихъ исполненія и канцелярскою

*) Свѣдѣнія о Мурманскомъ берегѣ, собранныя лѣтомъ 1896 г. контръ-адмираломъ Сиденснеромъ. Спб. 1897 года, стр. 15.

**) Русскій Сѣверъ. А. П. Энгельгардта. Спб. 1897 г., стр. 59.

волокитою, особенно продолжительною при отсутствіи въ краѣ удобныхъ сообщеній. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого служитъ приведенный выше примѣръ русскаго колониста въ колоніи Средней. Прибавка нѣсколькихъ административныхъ агентовъ къ наличному ихъ числу не исправитъ зла, такъ какъ отсутствіе общей руководящей идеи и воли и невозможность контроля агентовъ, удаленныхъ на тысячу верстъ отъ административнаго центра, въ краѣ слабо населенномъ, при отсутствіи сухопутныхъ путей сообщенія,—всегда могутъ обратить въ ничто всѣ лучшія усилія и заботы высшихъ административныхъ лицъ. Все это такъ очевидно, что отдѣленіе Мурмана отъ Архангельской губерніи и обращеніе въ самостоятельную административную единицу, давно признается за необходимое условіе успѣшнаго развитія сѣвернаго Поморья. Но осуществленіе этой въ высшей степени полезной мѣры задерживается затрудненіемъ, что сдѣлать съ территоріею, отдѣленною отъ стариннаго своего центра. Присоединить Кольскій полуостровъ къ ближайшей Олонецкой губерніи значило бы лишь перемѣнить бланки при перепискѣ, оставляя безъ ослабленія все зло, вытекающее изъ бездѣйствія и отсутствія административной власти. Создать изъ сѣвернаго Поморья особую губернію, при ничтожной наличности населенія, — было бы тоже нераціонально, такъ какъ число губернскихъ административныхъ учрежденій и лицъ превзошло бы, пожалуй, число населенныхъ пунктовъ. Но всѣ подобныя соображенія, чисто канцелярскаго свойства, не должны бы мѣшать придать Мурману ту админстративную самостоятельность, которая требуется исключительными условіями современнаго его положенія въ общей экономической и политической жизни Россіи, а также и важностію прогресса этой окраины въ интересахъ развитія русскаго морского могущества и всего Сѣвера Россіи. По крайней мѣрѣ, такъ всегда поступало военное начальство на Кавказской окраинѣ.

Оно никогда не стѣснялось выдѣлять территоріи съ исключительными условіями экономической или политической жизни—въ самостоятельныя административныя единицы, придавая имъ, смотря по размѣру и значенію, наименованіе области, отдѣла, округа, участка и пр. Такое различіе въ наименованіи нисколько не мѣшало организаціи мѣстнаго управленія соотвѣтственно потребностямъ отдѣльной территоріи, а не по общему шаблону губерніи, который былъ непримѣнимъ въ данномъ случаѣ. Съ другой стороны, исключительная администрація военная, военно-народная или гражданская нисколько не препятствовала тому, чтобы, съ теченіемъ времени, когда установленная администрація территоріи достигала своей цѣли и мѣстныя особенности послѣдней сглаживались, отдѣленная самостоятельная единица превращалась въ губернію, или, въ видѣ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ, входила въ составъ существующихъ губерній. Такъ можетъ быть поступлено и съ самостоятельнымъ въ административномъ отношеніи Сѣвернымъ Поморьемъ, когда правительство, при содѣйствіи соотвѣтствующей администраціи, осуществитъ предлежащую ему задачу исправить все, что, въ теченіе цѣлаго столѣтія, постепенно уронило благосостояніе и развитіе Сѣвера, дастъ правильное направленіе колонизаціи этой важной окраины и установитъ порядокъ и благоустройство въ новыхъ поселеніяхъ и существующихъ промысловыхъ становищахъ. Примѣромъ необходимости предполагаемой мѣры—опять-таки можетъ служить Кавказъ, гдѣ неудачная, начатая со времени выселенія горцевъ въ 1864 году, колонизація Восточнаго берега Чернаго моря, послѣ всѣхъ попытокъ придать ей быстрый ростъ, вызвала, наконецъ, необходимость учрежденія самостоятельной Черноморской губерніи, въ которой, однако, общая нормальная губернская администрація измѣнена соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ.

Первымъ плодотворнымъ шагомъ самостоятельной адми-

нистраціи Мурмана, непосредственно отвѣтственной за успѣхъ колонизаціи, естественно будетъ приведеніе въ извѣстность свободныхъ и заселенныхъ земель и, стало быть, прекращеніе самовольнаго водворенія и захвата незаселенныхъ земель. Безъ знанія, что есть, что можно дать поселенцамъ для водроренія, немыслима раціональная и успѣшная колонизація. Даже въ Сибири, при грандіозномъ избыткѣ свободныхъ земель, долговременной опытъ заставилъ прекратить самовольние водвореніе поселенцевъ, которые, не зная новаго для нихъ края и условій жизни въ немъ, вслѣдствіе полной свободы селиться—неизвѣстно гдѣ и зачѣмъ, могли только усиленно бѣдствовать и погибать безъ всякой пользы для заселенія края. Сколько - нибудь успѣшная колонизація Сибири началась лишь тогда, когда установленъ былъ надзоръ за движеніемъ переселенцевъ, а удобныя для водворенія земли были приведены въ извѣстность и распредѣлены на участки. На Мурманѣ—гдѣ удобныхъ для водворенія земель очень немного и, притомъ, одною землею переселенцы кормиться не могутъ, а должны искать обезпеченія своего существованія въ морскихъ промыслахъ, мореходствѣ и торговлѣ,—самовольное водвореніе колонистовъ менѣе всего желательно въ собственныхъ ихъ интересахъ, такъ какъ главнымъ условіемъ ихъ будущаго благосостоянія служитъ возможность сразу осѣсть навсегда на избранномъ мѣстѣ и приняться за работу, а не терять время на отысканіе лучшихъ мѣстъ. Фритредерское: laissez passer, laissez faire—менѣе всего пригодно для успѣха колонизаціи и самая либеральная страна, Соединенные Сѣверо - Американскіе Штаты, успѣвшіе въ одно столѣтіе водворить у себя милліоны колонистовъ и создающіе въ нѣсколько лѣтъ города съ сотнями тысячъ жителей, не руководствуются буквально этимъ принципомъ, но ограничиваютъ его примѣненіе предѣлами общественной пользы. Ни одно новое поселеніе въ Америкѣ, создавшееся даже по частной инипіативѣ,

не заселялось безъ того, чтобы не былъ предварительно снятъ планъ мѣстности, съ назначеніемъ на немъ предполагаемыхъ улицъ, площадей, частныхъ участковъ мѣстъ, для школы, церкви, больницы и проч., и такимъ образомъ, благоустройство новаго поселенія точно намѣчалось съ самаго начала, а существованіе такого плана избавляло водворявшихся поселенцевъ отъ всякихъ поземельныхъ споровъ съ сосѣдями и захватчиками чужихъ земель, что составляетъ крупный отдѣлъ дѣятельности нашихъ судовъ на окраинахъ. На Мурманѣ, кромѣ заботы о благоустройствѣ каждаго поселка, прибавляется еще забота объ изслѣдованіи того, на сколько избранная для поселенія мѣстность представляетъ удобства къ жизни и обогащенію колонистовъ, и какимъ путемъ должны быть удовлетворены ихъ нравственныя и религіозныя потребности, одновременно съ удовлетвореніемъ санитарныхъ условій и медицинскою помощью. При устройствѣ здѣсь поселеній, нельзя ничего предоставлять „времени" и „будущему", ограничиваясь въ настоящемъ однимъ разрѣшеніемъ селиться въ данномъ мѣстѣ. Поселенцы съ самаго начала водворенія должны быть вполнѣ обезпечены въ удовлетвореніи, разумѣется за собственный счетъ, всѣхъ потребностей жизни; снабжены всѣмъ, что необходимо для производства промысловъ, и знать все, что содѣйствуетъ ихъ продуктивности. При предварительныхъ изслѣдованіяхъ и разработкѣ всѣхъ этихъ мѣръ, содѣйствующихъ быстрому успѣху колонизаціи, могутъ принести особенно много пользы труды нашихъ ученыхъ обществъ, отдѣльныхъ ученыхъ и частныхъ лицъ.

Но кромѣ будущихъ колоній, при устройствѣ коихъ имѣется время собирать даже научныя данныя, на Мурманѣ—на лицо 40 колоній существующихъ и 5 колоній опустѣвшихъ *), требующихъ принятія немедленныхъ мѣръ

*) Мурманъ А. Слезскинскаго. Спб. 1897 г., стр. 134. Въ числѣ ихъ, однако, не значится Титовка, такъ что правильнѣе считать 41 колонію.

для своего благоустройства и водворенія порядка. Изъ числа этихъ колоній, 20 надо считать инородческими *), а остальныя русскими, причисляя къ нимъ и православныхъ кореляковъ и лопарей. Изъ двадцати, а если прибавить островъ Кильдинъ, то изъ 21 инородческихъ колоній—13 имѣютъ отъ 1 до 4 работниковъ, т. е. не имѣютъ никакихъ правъ на отдѣльное существованіе. Въ виду необходимости прекратить дальнѣйшій притокъ иностранныхъ поселенцевъ—всѣ мелкіе и единоличные поселки на Западномъ Мурманѣ должны быть присоединены къ болѣе многолюднымъ колоніямъ и черезъ это на берегахъ Варангерскаго залива и Рыбачьяго полуострова освободится мѣсто для водворенія русскихъ колоній. Такая мѣра вполнѣ законна, справедлива и необходима. Нельзя упускать изъ виду того, что инородцы, безъ всякаго права и основанія, захватили въ свое пользованіе государственныя земли въ чужой странѣ. Нельзя допускать того, чтобы въ Россіи иностранецъ могъ безнаказанно селиться, гдѣ ему вздумается, и не возвращалъ занятой имъ земли даже тогда, когда это требуется общественными и государственными интересами. Сокращеніе одиночныхъ и мелкихъ инородческихъ поселковъ и можетъ быть принято за начало водворенія порядка на Мурманѣ,—а при причисленіи ихъ къ другимъ колоніямъ было бы полезно принять за правило, что задача правительства не обособлять инородческіе поселки отъ русскихъ, а по возможности создавать, между этими двумя категоріями поселенцевъ, взаимную солидарность экономическихъ интересовъ, въ видахъ наибольшаго обезпеченія общаго благосостоянія и государственнаго единства. Въ этомъ отношеніи было бы полезно, по мѣрѣ возможности, усилить всѣ колоніи Западнаго Мурмана прибавленіемъ русскаго элемента въ такомъ размѣрѣ, чтобы заселенность послѣдняго позволяла ему имѣть активное вліяніе на общественное управленіе.

*) Тамъ же, таблица на стр. 131.

На Восточномъ Мурманѣ считается только 9 колоній и одна опустѣвшая *); но становищъ, т. е. мѣстъ, гдѣ производятся лѣтомъ промыслы, насчитывается до 20 **). Какъ извѣстно, треска появляется въ мартѣ въ Варангерскомъ заливѣ и, стало быть, у береговъ Рыбачьяго полуострова и постепенно передвигается на Восточный берегъ Мурмана, а вмѣстѣ съ тѣмъ промышленники, приходящіе для весенняго лова на Западный Мурманъ, перекочевываютъ въ іюнѣ и іюлѣ въ становища Восточнаго Мурмана. Обыкновенно промыслы продолжаются здѣсь до 15 августа, такъ какъ до этого срока принято на Поморьѣ заключать условія съ покручниками, но ловъ трески и другихъ рыбъ продолжается, и, смотря по погодѣ и количеству рыбы, можетъ съ выгодою производиться до глубокой осени и даже зимою, когда можетъ происходить выгодная охота на морского звѣря. Такъ какъ промышленники бѣломорскаго Поморья, вслѣдствіе поздняго вскрытія Бѣлаго моря, не могутъ прибыть на Западный Мурманъ на своихъ промысловыхъ судахъ, а должны пробираться крайне трудною и неудобною сухопутною дорогою черезъ Кандалакшу и Колу, откуда уже моремъ могутъ пробраться до становищъ Западнаго Мурмана, то очевидно для каждаго, что наши промышленники не могутъ воспользоваться вполнѣ всѣмъ удобнымъ для промысла періодомъ, который значительно сокращается замерзаніемъ Бѣлаго моря и раннимъ распускомъ покручниковъ домой. Такое положеніе вещей, вызываемое естественными условіями Сѣвера, считалось безъисходнымъ до учрежденія въ 1895 году частныхъ срочныхъ почтово-пассажирскихъ рейсовъ общества Мурманскаго пароходства, а потому изъ поморовъ мало было охотниковъ осѣдло водворяться въ становищахъ на незамерзающей части Мурманскаго берега, такъ какъ, при

---

*) Мурманъ А. Слезскинскаго. Спб. 1897 г., стр. 134. Считая Титовку,— 10 колоній.

**) Свѣдѣнія о Мурманскомъ берегѣ и пр. Кон.-Ад. Сиденснера. Спб. 1897 г., стр. 32.

самыхъ преувеличенныхъ надеждахъ на успѣшный промыселъ въ теченіе года, трудно было жить ³/₄ года безъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Нынѣ же,—когда два парохода общества и административный пароходъ „Мурманъ“ зимуютъ въ Екатерининской гавани, стали возможны и зимою несрочные пароходные рейсы, что создаетъ возможность удобно жить на Мурманѣ круглый годъ,—число поселенцевъ, желающихъ осѣдло водвориться, изъ года въ годъ увеличивается. Въ Териберкѣ, напримѣръ, гдѣ болѣе всего охотниковъ водворяться, у поселенцевъ уже имѣются огороды и скотоводство. Это указываетъ на полную возможность удобной здѣсь жизни колонистовъ въ будущемъ и, стало быть, указываетъ на необходимость теперь же прекратить порядки, господствующіе въ становищахъ, и устроить Териберку, Гаврилово и прочіе зачатки русскихъ колоній на незамерзающей части Мурмана въ такомъ видѣ, чтобы они, въ силу естественнаго своего роста, могли постепенно превратиться въ благоустроенные города, какъ Вардэ и прочіе города Финмаркена. Нельзя забывать при составленіи плановъ будущихъ городовъ, что становища эти открыты сѣвернымъ вѣтрамъ и потому требуютъ искусственныхъ сооруженій, соотвѣтственно коимъ и должно быть соображено расположеніе города.

Но, кромѣ регулированія внѣшняго благоустройства становищъ, еще болѣе необходимо водвореніе порядка и законности въ средѣ ихъ обитателей, число коихъ лѣтомъ въ Териберкѣ и Гавриловкѣ бываетъ свыше тысячи человѣкъ. На лѣтнее время назначаются изъ Колы на Западный и Восточный Мурманъ становые пристава, но они не могутъ быть вездѣ, тѣмъ болѣе, что этою командировкою они не освобождаются отъ исполненія другихъ своихъ служебныхъ обязанностей.

Одинъ разъ въ лѣто посѣщаетъ становища мировой судья изъ Колы и производитъ судъ и расправу. Такимъ образомъ, постоянною, активною, административною, поли-

цейскою и судебною силою, представляется урядникъ, который, очевидно, по своему образованію и нравственному цензу, далеко не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ нему его исключительное положеніе. Взаимныя отношенія между рабочими, судохозяевами, скупщиками и фактористами весьма сложны и всѣ ихъ приходится разрѣшать уряднику. Самый обыденный случай составляетъ, напримѣръ, отказъ отъ работы покручника, задолжавшаго судохозяину, причемъ онъ обращается съ жалобой къ уряднику, что хозяинъ удерживаетъ его паспортъ. Урядникъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ на юридическомъ основаніи, заставляя хозяина возвратить покручнику паспортъ и начать противъ него искъ о причиненныхъ убыткахъ. Но такая юридическая правда составляетъ на практикѣ величайшее зло, такъ какъ покручникъ, кромѣ долга хозяину, не имѣетъ никакого имущества и, стало быть, всякій искъ къ нему—напрасная потеря времени; между тѣмъ, хозяинъ теряетъ всѣ неотработанные рабочимъ задатки и лишается возможности продолжать промыслы, т. е. разоряется, благодаря неисполненію заключеннаго съ рабочимъ договора. Переходъ покручника отъ хозяина къ хозяину, съ заборомъ предварительно задатковъ, представляется почти нормальнымъ порядкомъ, а въ силу этого никто изъ судохозяевъ не можетъ впередъ точно разсчитывать свои прибыли или убытки отъ промысловъ, что находится въ полной зависимости отъ воли рабочихъ. Навѣрно, обогащаются на промыслахъ лишь тѣ, кто занимается самою грубою эксплоатаціею промысловаго населенія, посредствомъ сдачи въ наемъ помѣщеній, продажи потребностей жизни и болѣе всего продажею водки, представляющей главный и господствующій предметъ торговли на промыслахъ.

Жалобы на чрезмѣрное спаиваніе промышленниковъ предъявляются во всѣхъ становищахъ какъ со стороны скупщиковъ и судохозяевъ, такъ и со стороны самихъ

покручниковъ Поморья, которые, благодаря водкѣ, остаются въ вѣчной кабалѣ у хозяевъ. Никакихъ питейныхъ заведеній въ становищахъ не существуетъ, но водкою торгуютъ рѣшительно всѣ, кто имѣетъ нѣсколько десятковъ свободныхъ рублей и можетъ выписать изъ Архангельска нѣсколько ведеръ водки. Мировой судья, посѣщая становища не болѣе одного раза въ лѣто, разбираетъ нѣсколько дѣлъ о виновныхъ въ тайной продажѣ водки, присуждаетъ ихъ къ штрафамъ и тюремному заключенію. Но, очевидно, эта кара падаетъ лишь случайно на нѣкоторыхъ лицъ, на долю коихъ выпало составленіе урядникомъ узаконеннаго протокола, вся же остальная масса торгующихъ водкою безъ всякаго стѣсненія продолжаетъ свою выгодную торговлю, крайне вредную для успѣха промысловъ. На промысловыхъ судахъ нѣтъ лишнихъ людей, а имѣются только крайне необходимые, по размѣру судна, три или четыре человѣка команды: если одинъ изъ нихъ напьется пьянъ и не поѣдетъ на промыселъ, то промысловое судно уже не можетъ отправиться въ море и, стало быть, судохозяинъ и остальные непьяные промышленники, безъ всякой вины, остаются безъ дневного заработка. Понятно, что при такомъ положеніи вещей жалобы на спаиваніе предъявляются всѣми, не исключая даже мелкихъ торговцевъ водкою, которые, подсчитавъ, въ концѣ концовъ, прибыли отъ торговли водкой съ убытками отъ промысловъ,— приходятъ къ убѣжденію, что свободная торговля водкою составляетъ великое зло, съ которымъ они сами бороться не могутъ, но уничтоженіе коего должно быть положено въ основу улучшенія современнаго положенія Мурманскихъ промысловъ.

Описанное положеніе вещей указываетъ, насколько важна задача, внесенная въ программу Комитета для помощи Поморамъ Сѣвера (§ IV ст. 5), именно учрежденіе инспекціи рыбныхъ промысловъ. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что, для улучшенія положенія вещей,

инспекторъ рыбныхъ промысловъ, помимо своей технической дѣятельности, долженъ быть ближайшею непосредственною властью, для разбора и немедленнаго рѣшенія, на мѣстѣ, всѣхъ недоразумѣній между покручниками, судохозяевами, скупщиками и фактористами, и для того долженъ пользоваться правами, предоставленными Земскому Начальнику. Это безусловно необходимо потому, что для современныхъ судебныхъ учрежденій, время не имѣетъ никакого значенія и наши судьи, начиная съ мировыхъ учрежденій и кончая Сенатомъ, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на потерю людьми, отыскивающими правосудіе, — часовъ, дней, недѣль, мѣсяцевъ и цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, лишь бы дѣлопроизводство производилось правильно въ порядкѣ инстанцій, переходя изъ одной инстанціи въ другую и возвращаясь обратно къ началу, для разбора при новомъ составѣ судей. На Мурманѣ, во время промысловъ, каждый часъ стоитъ иногда сотни рублей, а потому сокращеніе времени, при разборѣ и рѣшеніи взаимныхъ исковъ и жалобъ, составляетъ для промышленниковъ болѣе важный вопросъ, чѣмъ самое правосудіе.

Какъ выше сказано, нынѣ, вслѣдствіе созданной пароходными рейсами возможности жить на Мурманѣ, у поморовъ явилось стремленіе къ осѣдлому водворенію въ становищахъ, и это стремленіе требуетъ самой серьезной поддержки и поощренія, такъ какъ водвореніе семейныхъ промышленниковъ, при раціональномъ руководительствѣ колонизацію ихъ, можетъ значительно улучшить жизнь на Мурманѣ, увеличить прибыльность самыхъ промысловъ и содѣйствовать развитію мореходства вообще. Присутствіе жены и дѣтей прежде всего должно имѣть благотворное нравственное значеніе на водворяющихся промышленниковъ и поощрять къ заботамъ объ лучшемъ устройствѣ собственнаго угла, отвлекая, въ то же время, отъ грубыхъ развлеченій, неизбѣжныхъ для отдыха при одно-

образной тяжкой промысловой работѣ. Семейный промышленникъ не имѣетъ болѣе нужды терять время и заботиться о своемъ продовольствіи, такъ какъ онъ, по выраженію одного изъ постоянныхъ жителей Териберки, „возвращается съ промысловъ на вареное и жаренное“, т. е. получаетъ возможность лучше кормиться и больше отдыхать и, стало быть, сохранять свои силы, не сокращая промысловаго времени. Для общаго улучшенія промысловъ водвореніе осѣдлыхъ промышленниковъ въ становищахъ позволило бы временно прибывающимъ промышленникамъ размѣщаться у своихъ родныхъ и знакомыхъ съ большимъ удобствомъ, на хорошемъ продовольствіи, избѣгая найма помѣщеній у фактористовъ, построившихъ промысловыя избы, по неудобствамъ, тѣснотѣ и неопрятности, представляющія центры для размноженія всякихъ болѣзней. А между тѣмъ, за пріютъ въ такихъ избахъ приходится платить дорого и расходовать еще больше на покупку у хозяина дровъ и всего необходимаго для жизни. Во всякомъ случаѣ, съ прибытіемъ на Мурманъ женскаго населенія, количество рабочей силы будетъ значительно усиливаться, а при энергіи, силѣ и привычкѣ къ морю поморскихъ женщинъ, можно смѣло думать, что онѣ не ограничатся приготовленіемъ „варенаго и жареннаго“, а будутъ помогать своимъ мужьямъ и братьямъ въ промысловой работѣ, конечно не въ морѣ, а на берегу. Это было бы очень желательно, такъ какъ, съ теченіемъ времени, могло бы вызвать „раздѣленіе труда“ при заготовкѣ рыбныхъ продуктовъ. Въ настоящее время раздѣлка пойманной рыбы, отдѣленіе максы и внутренностей производится самими ловцами тотчасъ по возвращеніи съ моря, до сдачи даже скупщику и, конечно, отъ уставшихъ на промыслѣ рабочихъ, которые спѣшатъ поскорѣе окончить работу и отдохнуть, нельзя требовать, чтобы они особенно заботились о чистотѣ очистки рыбы, что имѣетъ большое значеніе на ея качество послѣ посола. Поэтому было бы весьма желательно отдѣлить уловъ рыбы отъ заготовленія

ея въ прокъ и, оставляя первый за мужскимъ населеніемъ, предоставить второе женщинамъ, которыя, по врожденной имъ склонности къ чистотѣ и порядку, можно думать, будутъ заниматься съ большимъ вниманіемъ очисткою рыбы и изготовлять рыбные продукты лучшаго качества, что подниметъ ихъ цѣну, сдѣлаетъ промыслы болѣе прибыльными и увеличитъ благосостояніе семейныхъ промышленниковъ. Для раздѣленія труда при заготовленіи рыбныхъ продуктовъ, кажется, наступаетъ уже благопріятное время. Теперь, при многочисленности скупщиковъ, промышленники большею частью сдаютъ свой уловъ въ свѣжемъ видѣ, тотчасъ по приходѣ съ промысла, скупщикамъ, которые непосредственно заинтересованы въ улучшеніи качества приготовляемыхъ продуктовъ, что обезпечиваетъ болѣе высокую цѣну рыбному товару, а стало быть и большую прибыль. Для скупщиковъ, поэтому, можетъ быть выгодно совсѣмъ устранить ловцовъ отъ раздѣлки рыбы, а имѣть для этого и для посола рыбы отдѣльныхъ рабочихъ и мастера, хорошо знакомаго съ заготовленіемъ рыбныхъ продуктовъ для дальней отправки и продолжительнаго храненія. Такихъ мастеровъ много въ Норвегіи и Голландіи, но въ Россіи (по крайней мѣрѣ на Мурманѣ) совсѣмъ нѣтъ, почему въ числѣ задачъ комитета для пособія поморамъ (§ IV ст. 19) и поставлено учрежденіе рыбацкихъ школъ или хотя классовъ, въ которыхъ поморы могли бы научиться заготовленію рыбныхъ продуктовъ, консервовъ и соленію рыбы. Въ Онегѣ, гдѣ, по порученію, комитета я совѣщался съ представителями города, судохозяевами, промышленниками и шкиперами о наиболѣе полезномъ типѣ профессіональной школы,—всѣ названныя лица сначала не хотѣли соглашаться, что они не умѣютъ солить даже трески и сельди, составляющихъ съ древнѣйшихъ временъ главный предметъ ихъ промысловъ, а еще менѣе знакомы съ изготовленіемъ и консервированіемъ другихъ рыбныхъ продуктовъ, но, въ концѣ концовъ, они должны были со-

гласиться, что теперь у нихъ всякій солитъ треску и сельдь, какъ придется, большею частью въ зависимости отъ количества наличной соли. При изобиліи же соли количество ея для усола каждый опредѣляетъ по своему: кладутъ соль и фунтами, и лопаткою, и пригоршнями. Стало быть, выходитъ то, что самъ мастеръ не всегда знаетъ, сколько онъ положилъ соли и сколько слѣдовало положить таковой для приданія приготовляемой рыбѣ наилучшаго качества. Такой разнообразный посолъ много мѣшаетъ сбыту нашей рыбы не только за границу, но и на внутреннемъ рынкѣ, а устранить это возможно только при отдѣленіи ловли рыбы отъ ея приготовленія въ прокъ, каковое должно непремѣнно производиться отдѣльными, знающими рабочими, подъ наблюденіемъ опытныхъ, знающихъ свое дѣло, мастеровъ. Женскій трудъ на Поморьѣ, гдѣ численность женскаго населенія преобладаетъ надъ численностью мужчинъ, очень дешевъ. Лѣтомъ, когда прекращается движеніе по сухопутнымъ дорогамъ Поморья, вслѣдствіе непроходимости оттаивающихъ болотъ, женщины нанимаются для почтовой гоньбы, т. е. для перевозки пассажировъ на карбасахъ за установленные прогоны, уплачиваемые за разстояніе, означенное въ почтовомъ дорожникѣ для сухопутной дороги, причемъ при уплатѣ прогоновъ за двѣ лошади почтовая станція присылаетъ карбасъ съ четырьмя женщинами-гребцами и кормчимъ. Разстояніе между станціями большое, и замѣнять хотя и полъ-лошади—работа весьма тяжелая. Тѣмъ не менѣе женщины-гребцы, за всю навигацію, т. е. болѣе $3^1/_2$ мѣсяцевъ, получаютъ 21 рубль. Очевидно, что при самой дешевой платѣ за раздѣлку и соленіе рыбы онѣ заработали бы на Мурманѣ много болѣе, такъ какъ за лѣто даже зуйки зарабатываютъ на промыслахъ не менѣе этой суммы. А потому привлеченіе женщинъ къ улучшенію рыбныхъ продуктовъ было бы полезно не только для увеличенія промысловъ, но и для увеличенія благосостоянія Поморья.

Можетъ быть, покажется страннымъ высказанное стремленіе привлечь поморскихъ женщинъ не только къ водворенію на Мурманѣ, но и къ участію въ промыслахъ, когда имѣется полная возможность привлечь желательное количество рабочихъ изъ внутреннихъ губерній. Но это стремленіе представляетъ неизбѣжное требованіе и гарантію успѣха раціональной и прочной колонизаціи Мурманскаго берега. Конечно, имѣя средства, можно собрать на Мурманскомъ берегу тысячи переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній, но что же они будутъ дѣлать, чѣмъ обезпечатъ существованіе своихъ семей при незнакомствѣ съ моремъ и непригодности (на первое время, а можетъ быть до второго и третьяго поколѣнія) къ тяжелымъ морскимъ промысламъ и мореходству? Такое водвореніе русскаго элемента будетъ разорительною тратою для правительства и источникомъ тяжелыхъ бѣдствій для поселенцевъ. Расходъ правительства на колонизацію долженъ окупиться, т. е. дать тѣ результаты, для полученія коихъ расходъ произведенъ. Государственная задача заселенія Мурмана русскимъ элементомъ заключается въ развитіи рессурсовъ морского могущества Россіи, увеличеніемъ численности и благосостоянія населенія Поморья, посредствомъ улучшенія и распространенія морскихъ промысловъ и торговаго мореходства. Для удовлетворенія этой задачи каждый водворяемый колонистъ долженъ быть опытнымъ морякомъ и промышленникомъ, иначе онъ не будетъ стоить денегъ, затрачиваемыхъ правительствомъ на его водвореніе. Съ другой стороны, правительство должно предоставить переселенцу полную возможность устроиться лучше, чѣмъ онъ жилъ у себя дома, и для того дать ему всѣ средства увеличивать свое благосостояніе эксплоатаціею моря. Нельзя забывать, что жизнь на Мурманскомъ берегу—вслѣдствіе, полной изолированности его отъ внутренности страны безплодными гранитными горами, при малочисленности полудикаго населенія и отсутствіи промышленной и земледѣльческой куль-

туры въ Лапландіи,—имѣетъ, такъ сказать, искусственный характеръ, ибо базируется не на производительности земли, занятой колонистами, и окружающаго ее раіона, а на подвозѣ къ нимъ всѣхъ потребностей жизни, которыя не могутъ быть добыты морскимъ промысломъ. И такъ будетъ продолжаться долго, именно до тѣхъ поръ, пока изъ становищъ не будутъ проложены дороги къ будущимъ русскимъ колоніямъ, которыя водворятся внутри Лапландіи. Отъ Кандалакши до Печенги, на протяженіи свыше 500 верстъ, по Имандрѣ, Колѣ, Туломѣ и Печенгѣ, а также отъ Поноя до Финляндской границы на большемъ еще протяженіи,—найдется, при изслѣдованіи, не мало мѣстъ, удобныхъ для водворенія переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній и для разработки минеральныхъ богатствъ края, требующей большого числа рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ, колонизація Кольскаго полуострова составляетъ необходимое дополненіе при заселеніи Мурмана и, пока оно не завершится, — искусственное, буквально безпочвенное, положеніе Мурманскихъ колонистовъ будетъ продолжаться, вызывая заботы объ упроченіи ихъ благосостоянія созданіемъ заработковъ на мѣстѣ не только для промышленниковъ, но для ихъ семей, которыя, за невозможностью приложить свои труды къ скотоводству и хозяйственной культурѣ, будутъ имѣть много свободнаго времени, которымъ и слѣдуетъ воспользоваться для увеличенія ихъ благосостоянія.

Такая постановка вопроса о заселеніи Мурмана не удовлетворитъ, конечно, горячихъ патріотовъ, предполагающихъ административнымъ распоряженіемъ сразу водворить прочную осѣдлость на всемъ тысячеверстномъ протяженіи Поморья, но она избавитъ отъ тѣхъ печальныхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы при заселеніи Амура и Восточнаго берега Чернаго моря. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ въ незаселенной странѣ указать впередъ тѣ пункты, гдѣ въ будущемъ образуются главные центры населенія и

производительности, такъ какъ при рѣшеніи этого вопроса обыкновенно не имѣется достаточно точныхъ и вѣрныхъ данныхъ. На Мурманѣ, гдѣ расположеніе становищъ произошло на основаніи долголѣтняго опыта именно тамъ, гдѣ это нужно, указанное затрудненіе однако не ослабляется и, пожалуй, увеличивается, вслѣдствіетого, что у насъ нѣтъ научныхъ изслѣдованій о ходѣ трески и другихъ рыбъ, почему и можетъ повториться случай, происшедшій въ Цыпъ-Наволокѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ весьма обильный уловъ, собиравшій до 1000 промышленниковъ на весенніе промыслы, и было многолюдное становище, но теперь оно заброшено и только православный храмъ, бездѣйствующая больница, построенная „Краснымъ Крестомъ", и становищныя постройки напоминаютъ о кипѣвшей здѣсь промышленной жизни *).

Заботы о водвореніи вовсе не ограничиваются выдачею колонисту пособія или постройкою ему хорошей избы, но при этомъ должно быть предусмотрѣно еще болѣе важное удобство—именно, чтобы эти избы находились среди мѣстности, удобной для жизни, для устройства хозяйства и для пріобрѣтенія средствъ къ существованію, иначе, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ усилій достигнуть благосостоянія, колонистъ неизбѣжно броситъ свою прекрасную избу и уйдетъ на заработки туда, гдѣ они есть. Поэтому, спѣшное, усиленное заселеніе Мурмана едва ли достигнетъ цѣли правительства, если оно не будетъ одновременно поддержано усиленнымъ привлеченіемъ населенія на Бѣломорское Поморье и колонизаціей самаго Кольскаго полуострова русскимъ элементомъ изъ внутреннихъ нашихъ губерній. Это потребуетъ большихъ жертвъ, большихъ усилій, но зато создастъ возможность не только водворенія прочныхъ осѣдлыхъ поселеній на Мурманѣ, но и постепенное превращеніе этихъ

*) Мурманъ. А. Слезкинсказо Спб. 1897 г., стр. 123. Слѣдѣнія, собранныя о Мурманскомъ берегѣ Конт. Адм. Сиденснеромъ. Спб. 1897 г., стр. 26.

поселеній въ промысловые города, какъ Вардэ и прочіе города Финмаркена. Съ другой стороны, осторожность при усиленномъ водвореніи колонистовъ ни въ чемъ не можетъ задержать раціональнаго прогресса самыхъ Мурманскихъ промысловъ, установившимся порядкомъ, такъ какъ это зависитъ не отъ успѣха осѣдлаго водворенія временно прибывающихъ промышленниковъ, а отъ цѣлаго ряда мѣропріятій совершенно въ другихъ сферахъ—административной, научной и практической дѣятельности, подробно указанныхъ въ программѣ дѣятельности комитета для пособія поморамъ Сѣвера.

Очевидно, что осѣдло-водворившіеся на Мурманѣ промышленники будутъ имѣть большія преимущества передъ временно-прибывающими промышленниками, начиная съ того, что первые избавляются отъ потери времени, здоровья и денегъ на сухопутное и морское путешествіе изъ дому для весеннихъ и лѣтнихъ промысловъ и не только не опоздаютъ къ ихъ началу, но и въ состояніи будутъ эксплоатировать море круглый годъ при благопріятной погодѣ. Это преимущество особенно важно до тѣхъ поръ, пока разрѣшенными правительствомъ научными изслѣдованіями водъ, вдоль Мурманскаго берега,—на что какъ извѣстно, отпущено 150 т. руб.—не будетъ выяснено условій и періодовъ передвиженія трески, сельди и пр. сортовъ промысловой рыбы и звѣря. Нынѣ, какъ извѣстно, наши промышленники при производствѣ промысла руководствуются древними преданіями, собственнымъ опытомъ и сметкою, т. е., другими словами, ловятъ рыбу на удачу, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ. Поэтому весьма часто случается, что промышленники оставляютъ Мурманъ при неудачномъ уловѣ, а вслѣдъ за ихъ отбытіемъ рыба появляется въ достаточномъ количествѣ. Такими шансами увеличить прибыльность своихъ промысловъ воспользуются осѣдлые обитатели становищъ и, конечно, желательно, чтобы это предположеніе осуществилось, такъ какъ выгодность про-

мысловъ составляетъ альфу и омегу привлеченія къ ихъ производству большаго числа промышленниковъ. Но, конечно, все это исполнимо и полезно прежде всего въ такомъ случаѣ, если сбытъ рыбы изъ осѣдлыхъ становищъ будетъ возможенъ въ теченіе круглаго года, т. е. если пароходное сообщеніе не будетъ прекращаться, какъ это нынѣ имѣетъ мѣсто, 1-го октября, а будетъ происходить и зимою вдоль незамерзающей части Мурманскаго берега. Для этого общество Мурманскаго пароходства имѣетъ возможность содержать пароходы въ Екатерининской гавани, какъ оно и практиковало это прошлую зиму, для совершенія несрочныхъ рейсовъ при благопріятной погодѣ. Большимъ затрудненіемъ къ плодотворному исполненію этой мѣры служитъ открытое сѣвернымъ вѣтрамъ положеніе всѣхъ заливовъ (губъ), при которыхъ расположены даже самыя главныя становища Восточнаго Мурмана, Териберка и Гаврилово. Устранить это можно, какъ то и сдѣлано на Финмаркенѣ, посредствомъ гидро-техническихъ сооруженій, которыя дали бы возможность пароходамъ при всякой погодѣ заходить въ эти становища и производить грузовую операцію. Пока этого не будетъ, осѣдлые поселенцы Мурмана будутъ лишены возможности заводить большія парусныя суда и тѣмъ болѣе пароходы—для того, чтобы пользоваться во время зимы отдаленными выгодными промыслами на Новой Землѣ и у нашего Грумманта, понѣмецки Шпицбергена, а также пользоваться зимнимъ прекращеніемъ промысловъ, чтобы уходить съ малыми судами на заработки въ незамерзающіе иностранные порты и на Черное море, что дало бы сильный толчекъ развитію русскаго торговаго мореходства вообще и еще болѣе содѣйствовало бы благосостоянію мурманскихъ поселенцевъ.

Таковы соображенія и выводы о политико-экономической и государственной сторонѣ колонизаціи Мурмана, собранныя мною въ теченіе трехъ-мѣсячнаго изученія Мурманскаго берега и существующей литературы этого пред-

мета. Теперь слѣдовало бы говорить о подъемѣ нравственнаго уровня населенія посредствомъ религіи и школьнаго просвѣщенія, но это не относится къ моей компетенціи и должно быть предоставлено непосредственнымъ представителямъ этихъ сферъ общественной дѣятельности. Объ общемъ же характерѣ и направленіи всѣхъ специальныхъ мѣропріятій по этой части можно высказать одно пожеланіе, именно чтобы главною задачею школы для Мурмана было бы не широкое поверхностное знаніе, а прочное водвореніе среди учащихся религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ—для того, чтобы поморы и на будущее время оставались такими же простыми добросовѣстными полезными работниками. какими ихъ образуетъ Соловецкій монастырь, а не усиливали собою массы интеллигентнаго пролетаріата, поверхностное знаніе коимъ верховъ всѣхъ наукъ вызываетъ непомѣрное самообольщеніе и полную неспособность къ полезной для общества работѣ. Почвою же для успѣха всѣхъ непосредственныхъ начинаній при поднятіи нравственнаго уровня населенія Поморья должно быть устраненіе нынѣ существующаго произвола и хаоса во взаимныхъ отношеніяхъ промышленниковъ, которые, вслѣдствіе полной безнаказанности правонарушеній, за неимѣніемъ на мѣстѣ агентовъ административной и судебной власти,—не могутъ гарантировать своихъ сдѣлокъ ни честнымъ словомъ, ни словесными, ни письменными договорами, а при такомъ положеніи вещей ни артельное начало, ни кооперативная дѣятельность не могутъ примѣняться съ успѣхомъ къ промысловымъ предпріятіямъ, и правильный кредитъ во всѣхъ его формахъ становится немыслимымъ. Конечно, устранить это зло — задача весьма трудная, требующая особыхъ усилій и спеціальной организаціи административныхъ учрежденій, примѣненныхъ къ реальнымъ нуждамъ и условіямъ развитія Мурманскаго берега и всего Кольскаго полуострова, соотвѣтственно тому значенію, какое пріобрѣла въ наше время наша сѣверная морская государственная граница

Россіи. Но сознаніе трудности задачи, разрѣшеніе коей безусловно необходимо для чести, достоинства и экономическаго прогресса Россіи, не представляетъ повода замедлять ея разрѣшеніе, а, наоборотъ, должно вызывать лишь болѣе энергическую работу со стороны всѣхъ русскихъ патріотовъ и общественныхъ дѣятелей.

II.

Сооруженіе желѣзной дороги до незамерзающей части Мурмана и развитіе пароходныхъ сообщеній.

При самомъ широкомъ дарованіи льготъ и пособій переселенцамъ, появленіе русскаго элемента изъ внутреннихъ губерній на Мурманскомъ берегу возможно лишь по устройствѣ удобнаго сообщенія этихъ губерній съ Сѣвернымъ Поморьемъ, именно послѣ постройки желѣзной дороги до Кеми, а затѣмъ далѣе черезъ Кандалакшу до торговаго порта на незамерзающей части Мурмана, омываемой теплымъ теченіемъ Гольфстрема. Сооруженіе этого пути, требуя большаго количества рабочихъ рукъ, при желаніи правительства, вызоветъ притокъ русскаго населенія, далеко превосходящій 8696 душъ, составляющихъ итогъ наличныхъ обитателей всего Кольскаго полуострова, въ числѣ коихъ русскихъ значится лишь 5720 человѣкъ. Длина всей линіи отъ Петербурга до Колы, по предварительнымъ изысканіямъ инженера Риппаса, составляетъ 1339 верстъ *), а прибавляя разстояніе отъ Колы до Екатерининской гавани 54 версты **), вся длина дороги до незамерзающей гавани на Мурманѣ будетъ 1393 версты.

*) Отчетъ о поѣздкѣ на Кольскій полуостровъ лѣтомъ 1894 г. Б. Риппаса. Спб. 1895 года, стр. 164.

**) Тамъ же, стр. 165.

Дорога эта прорѣжетъ весь Кольскій полуостровъ и нѣтъ сомнѣнія, что вдоль ея, привлеченные къ постройкѣ дороги, рабочіе найдутъ много удобныхъ мѣстъ для водворенія, независимо отъ того служебнаго персонала, который потребуется для эксплоатаціи и ремонта линіи, и, такимъ образомъ, самое сооруженіе и эксплоатація послѣдней въ состояніи по меньшей мѣрѣ, удвоить наличное населеніе Кольскаго полуострова и положитъ солидное начало заселенію русской Лапландіи, что составляетъ весьма важное условіе для прочной и прогрессирующей колонизаціи Мурманскаго берега.

Сооруженіе такой длинной линіи, по мѣстности мало заселенной и богатой лишь лѣсомъ, озерами, болотами и неизслѣдованными минеральными сокровищами,—представляется предпріятіемъ мало выгоднымъ, не окупающимъ издержекъ эксплоатаціи, а потому предпріятіемъ преждевременнымъ съ коммерческой точки зрѣнія. Съ государственной же точки зрѣнія дѣло представляется совершенно иначе: владѣя на Сѣверѣ тысячу лѣтъ незамерзающими портами, откуда круглый годъ открытъ свободный океанскій просторъ для судовъ русскаго торговаго и военнаго флотовъ, Россія до сихъ поръ, еще не воспользовалась этимъ исключительнымъ естественнымъ преимуществомъ и со временъ Петра Великаго, затрачивая большія средства на развитіе военнаго и торговаго флота въ теченіе 200 лѣтъ, до сихъ поръ не могла достигнуть морского могущества, соотвѣтствующаго ея внутренней силѣ и международному положенію, хотя и обладаетъ многотысячеверстнымъ протяженіемъ морскихъ береговъ. Объясняется это тѣмъ, что на обоихъ отдаленныхъ другъ отъ друга, моряхъ Балтійскомъ и Черномъ, составляющихъ часть нашей юго-западной границы, — въ силу историческихъ причинъ, — господствуетъ иностранный торговый флотъ, который, своею конкурренціею, упраздняетъ возможность раціональнаго развитія національнаго русскаго торговаго

флота. Выходъ же изъ обоихъ морей находится въ рукахъ иностранныхъ державъ, почему, въ случаѣ внѣшней войны, наши военныя суда не могутъ служить для активныхъ дѣйствій, но осуждены лишь на непосредственную защиту русскихъ береговъ отъ непріятельскаго нашествія, — а такое назначеніе военнаго флота заставляетъ ограничивать прогрессивное его развитіе предѣлами потребностей обороны.

Только на Сѣверѣ, Россія, не вызывая никакихъ недоразумѣній и не нарушая ничьихъ интересовъ, можетъ создать необходимый для нея торговый флотъ, пользуясь мѣстнымъ населеніемъ Поморья, тысячу лѣтъ зарабатывающимъ свое существованіе морскими промыслами; только на Сѣверѣ, имѣя военныя суда для защиты коммерческаго флота и морской границы—она можетъ пользоваться ими, въ случаѣ надобности, для активныхъ дѣйствій противу непріятеля. Отсюда видно, что сѣверная морская граница Россіи, не смотря на ея современное неустроенное положеніе, имѣетъ такое важное политическое и торгово-экономическое значеніе для Россіи, что граница эта не можетъ быть предоставлена иностранцамъ и иностранной эксплоатаціи, но должна быть прочно занята надежнымъ русскимъ элементомъ для исключительнаго преобладанія и удовлетворенія насущныхъ интересовъ раціональнаго развитія внутренней силы Россіи. Слѣдовательно, основное орудіе водворенія русскаго элемента на Сѣверѣ, именно желѣзнодорожная линія, соединяющая сѣверную окраину съ Петербургомъ—центромъ русской администраціи и со всей сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ,—составляетъ самую настоятельную государственную задачу нашего времени. А если это нужно, то и должно быть исполнено, во избѣжаніе безплодныхъ сожалѣній въ будущемъ, ибо, по словамъ Петра Великаго, „промедленіе времени смерти безвозвратной подобно“. Международная жизнь не сообразуется съ нашими интересами, а чаще всего, и даже преимуще-

ственно, находитъ для себя выгоду въ непосредственномъ ихъ нарушеніи. Все текущее столѣтіе, начатое великими войнами ради водворенія мира и спокойствія въ западной Европѣ, у насъ игнорировали интересы сѣверной окраины и въ 1826 году мы лишились лучшей ея части, бывшей вотчины Печенгскаго монастыря, прибрежій Варангерскаго залива, отъ Нявдемы до Ворьемы, а затѣмъ и остальныя побережья этого залива, отъ Ворьемы до Вайда-губы, съ присоединеніемъ къ нимъ всего Рыбачьяго полуострова, заселены сплошь норвежско-финляндскими колоніями, что лишило русскихъ поморовъ лучшихъ земель для колонизаціи и морскаго промысла. Нельзя сказать, чтобы въ наши дни западныя державы придавали менѣе значенія водворенію своей торговли на сѣверной нашей окраинѣ, чѣмъ во времена Ченслера, тѣмъ болѣе, что нынѣ онѣ, якобы, открыли ближайшій морской путь изъ Англіи въ Сибирь черезъ Ледовитый океанъ и Карское море, путь, триста лѣтъ извѣстный русскимъ поморамъ, но закрытый для нихъ въ 1616—1620 гг. *) изъ опасенія, чтобы иностранцы не воспользовались этимъ путемъ для захвата сибирскаго рынка. Можно поэтому съ увѣренностью думать, что, если будетъ продолжаться прежній индифферентизмъ къ русскимъ интересамъ на Сѣверѣ, то это не обезпечитъ ихъ, а будетъ содѣйствовать упроченію здѣсь чуждыхъ намъ интересовъ и торговли въ ущербъ достоинству и общему политико-экономическому прогрессу нашего отечества.

Отрицать важность приведенныхъ соображеній едва ли возможно, но у насъ существуетъ практикою выработанный аргументъ, устраняющій всякое возраженіе безъ обсужденія его сущности. Аргументъ этотъ — забота объ экономіи и соблюденіи интересовъ казны и необходимости отлагать нежелаемое исполненіе дѣла до болѣе благопріятнаго состоянія финансовъ. Какъ извѣстно, такая экономія большею частію идетъ въ раз-

*) Исторія г. Архангельска С. Ѳ. Огородникова. Спб. 1890 г., стр. 181.

рѣзъ съ государственною экономіею, лишая страну своевременнаго удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ ея нуждъ, что составляетъ реальную, а иногда и ничѣмъ не вознаградимую потерю. Особенно это ясно видно на сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ ради экономіи откладывалось проложеніе магистральныхъ линій, а строились, по случайнымъ соображеніямъ, небольшіе участки разныхъ второстепенныхъ линій, составляющіе нынѣ запутанную сѣть зигзаговъ, удлиняющихъ безъ всякой нужды разстояніе между важными пунктами и составляющихъ часто безполезное бремя для правительства. Такихъ линій въ нашей сѣти, достигающей 40,000 верстъ, наберется нѣсколько тысячъ верстъ и весь малополезный, но многомилліонный расходъ, на ихъ постройку, сдѣланъ, экономіи ради, ради сохраненія интересовъ казны.

Въ виду этого, желательно, чтобы при сооруженіи новыхъ линій, вмѣсто заботъ о желательной экономіи, поставленъ былъ на первый планъ вопросъ о государственной важности, настоятельности и пользѣ, т. е. о послѣдствіяхъ постройки предполагаемой линіи. Удовлетворяется ли ея постройкою предлежащая государственная задача и стоитъ ли удовлетвореніе этой задачи требуемаго на ея исполненіе расхода? Для рѣшенія такого вопроса всегда имѣется на лицо достаточно данныхъ въ исторіи страны, современномъ ея политико-экономическомъ состояніи и международномъ положеніи. Практика не признаетъ такихъ общихъ соображеній и требуетъ фактическихъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, объясняющихъ, окупится ли постройка линіи и ея эксплоатація ожидаемымъ торговымъ движеніемъ,— а такихъ данныхъ, очевидно, не можетъ быть тамъ, гдѣ желѣзная дорога должна проходить по мало или совсѣмъ неизвѣстной мѣстности. Обыкновенно въ такомъ случаѣ берутъ въ соображеніе производительность страны, что вводитъ въ область совершеннаго произвола, дозволяя прибавлять и убавлять милліонами грузы, которые,

по предположенію, должны попадать на предполагаемую дорогу. Но и этотъ способъ непримѣнимъ въ данномъ случаѣ, такъ-какъ о производительности русской Лапландіи нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ даже у самаго Кольскаго исправника. А если нѣтъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, окупится или не окупится желѣзнодорожная линія отъ Петербурга до незамерзающаго порта на Мурманѣ, то на практикѣ остается одинъ исходъ — отклонить постройку до представленія необходимыхъ данныхъ. Государственная же точка зрѣнія требуетъ немедленнаго ея сооруженія. Постройкою дороги создается то, чего нѣтъ и что необходимо для Россіи, именно: соединеніе центра съ сѣверною окраиною и доступъ избытку безземельнаго русскаго населенія внутреннихъ губерній къ свободнымъ землямъ на Кольскомъ полуостровѣ, а также доступъ къ богатѣйшимъ морскимъ промысламъ на Мурманѣ, способнымъ обезпечить благосостояніе въ десять разъ большаго населенія, чѣмъ нынѣ существующее. Сооруженіемъ дороги открывается заработокъ десяткамъ тысячъ рабочихъ и дѣлаются доступными для эксплоатаціи милліоны десятинъ земли, изъ которыхъ значительная часть покрыта лѣсами и заключаетъ минеральныя богатства. При удобности желѣзнодорожной перевозки, даже и безъ водворенія всякой новой культуры, найдется на прорѣзываемой дорогою территоріи масса естественныхъ произведеній, въ коихъ нуждается нашъ внутренній рынокъ, и всѣ такіе грузы, вмѣстѣ съ произведеніями рыбныхъ промысловъ, предметами снабженія промысловъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и мѣстныхъ обывателей,—неизбѣжно будутъ постоянно передвигаться по желѣзной дорогѣ, прогрессируя не только съ каждымъ годомъ, но и съ каждымъ мѣсяцемъ, по мѣрѣ ознакомленія съ сѣверною окраиною торговыхъ и предпріимчивыхъ людей изъ внутреннихъ губерній. Если для практиковъ этого мало; если они оцѣнятъ все это движеніе въ одинъ или два милліона пудовъ, можно при-

бавить то новое соображеніе, что дорога эта откроетъ для Россіи незамерзающіе круглый годъ порты, которыми можетъ воспользоваться какъ русская, такъ и иностранная внѣшняя торговля. Нельзя также забывать, что по сѣверному направленію сибирской дороги, отъ Екатеринбурга до Котласа, пройдено желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ половина отъ Уральскаго хребта до незамерзающаго порта на Мурманѣ. Вслѣдствіе этого, послѣ постройки Мурманской дороги, осуществленіе великой идеи о соединеніи Ледовитаго и Тихаго океановъ непрерывною, русскою желѣзною дорогою, проходящею, на всю свою длину, по русской государственной территоріи, — представляется задачею легко исполнимою, ибо потребуетъ лишь сооруженія желѣзнодорожной вѣтви отъ Котласа до одной изъ наиболѣе удобныхъ для сего станцій Петербургъ—Камской линіи. Значеніе этого международнаго великаго пути, для общей торгово-экономической жизни Россіи, такъ очевидно, что описывать это нечего, тѣмъ болѣе что для даннаго случая, т. е. при сужденіи о грузовомъ движеніи на Мурманской линіи, достаточно вспомнить о возможности соединенія двухъ океановъ, чтобы не сомнѣваться болѣе въ доходности Мурманской дороги и, стало быть, пользѣ ея постройки, даже съ коммерческой точки зрѣнія.

Важнѣе всего, однако, не эти второстепенныя доказательства, а самое соединеніе центра съ окраиной, которое можетъ вызвать выгоды, непредвидѣнныя при канцелярской и коммерческой постановкѣ вопроса, какъ это можно выяснить примѣромъ постройки Средне-азіатской дороги. Никто не считалъ возможнымъ и не нашлось ни одного предпринимателя, который принялъ бы на себя постройку желѣзной дороги по сыпучимъ, передвигаемымъ вѣтрами пескамъ, при отсутствіи воды и всякой растительности на участкахъ линіи въ 300 верстъ—что, конечно, въ техническомъ и экономическомъ отношеніяхъ представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ постройка и эксплоатація желѣзной

дороги по слабо заселенной Лапландіи съ ея морозами, болотами и снѣгами. Бояться этого нечего, когда рядомъ имѣются уже давно построенныя и правильно эксплоатируемыя Финляндскія желѣзныя дороги. Не смотря, однако, на предстоявшія трудности постройки, Средне-азіатскую дорогу, по политическимъ причинамъ, необходимо было выстроить для соединенія нашихъ боевыхъ средствъ въ Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области, именно: въ виду усложненій, вызванныхъ Англіей, которыя и привели въ 1885 году къ пораженію Авганцевъ при Кушкѣ, и правительство, въ лицѣ генерала Анненкова, нашло энергичнаго исполнителя, устранившаго всѣ затрудненія, и дорога была окончена. Сооруженіе этой дороги оказалось великимъ событіемъ, имѣвшимъ громадныя послѣдствія для упроченія положенія Россіи въ Средней Азіи и прежде всего весьма охладило задорныя претензіи Англіи, вынужденной начать усиленную постройку сѣти своихъ стратегическихъ линій для обороны сѣверо-западной границы Индіи,—сѣти, которой она еще долго не окончитъ, а пожалуй и совсѣмъ не воспользуется. Во что оцѣнить такую выгоду, которая, обусловливая мирное положеніе Азіи, доставила Россіи возможность упрочить порядокъ и спокойно заниматься благоустройствомъ одной изъ самыхъ богатыхъ своихъ окраинъ? Но этотъ непредвидѣнный практиками результатъ, нисколько не помѣшалъ установиться значительному торговому движенію черезъ непроходимые прежде сыпучіе пески, — и Закаспійская дорога, — содѣйствуя удобному сбыту произведеній Азіи на нашъ внутренній рынокъ, — оказалась наиболѣе полезнымъ орудіемъ развитія и русской торговли, и русской колонизаціи въ Закаспійской области, чѣмъ всѣ прежнія объ этомъ заботы и пособія. Такъ, конечно, будетъ и съ Мурманскою дорогою, и, хотя она не прорѣзываетъ столь же богатой естественными произведеніями территоріи, какъ наши средне-азіатскія владѣнія, и не будетъ служить для передвиженія такихъ

цѣнныхъ грузовъ, какъ хлопокъ, шелкъ, южные фрукты и пр., но, тѣмъ не менѣе, она вызоветъ къ жизни много новыхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и создастъ не мало новыхъ рессурсовъ для увеличенія силы и благосостоянія нашего отечества, и, что всего важнѣе, прочно укрѣпитъ положеніе Россіи и охрану ея интересовъ на важной для нея сѣверной государственной границѣ.

Въ настоящее время уже построена одна дорога на Сѣверъ—именно узкоколейная Вологдо-Архангельская дорога,—но она по своей отдаленности можетъ имѣть лишь весьма слабое и косвенное значеніе для Мурманскихъ промысловъ и положительно не имѣетъ никакого значенія для упроченія русскаго элемента и русскихъ интересовъ на незамерзающей части Мурмана. Назначеніе этой дороги поднять торговлю Архангельска и торгово-экономическое развитіе Мезенскаго и Печорскаго края. Дорога эта открыта для эксплоатаціи, но нельзя не пожалѣть, что, благодаря стремленію къ экономіи, ей дано наиболѣе кратчайшее прямолинейное направленіе, при которомъ она оказалась отдѣленною Сѣверною Двиною отъ того края, который болѣе всего въ ней нуждается, такъ что постройка вѣтвей на Мезень и Печору потребуетъ большихъ мостовъ. Притомъ линія, предназначаемая главнымъ образомъ для поднятія торговли Архангельска, не доходитъ до этого города, а оканчивается на противоположномъ берегу, вслѣдствіе чего для сообщенія съ вокзаломъ желѣзной дороги приходится переправляться черезъ широкую Сѣверную Двину, съ ея морскими приливами и отливами, что представитъ большія затрудненія осенью, пока рѣка не покроется твердымъ льдомъ, и весною, пока не прекратится ледоходъ. Конечно, это можетъ быть устранено постройкою моста черезъ Сѣверную Двину, но потребуетъ такого крупнаго расхода, что экономія отъ принятія узкой колеи и прямолинейнаго направленія, вмѣсто сбереженія расходовъ казны, окажется источникомъ ея разоренія. Ничего

такого не могло бы произойти, если бы вопросъ о направленіи дороги былъ поставленъ на почву государственныхъ интересовъ, ибо тогда нельзя было бы пропустить безъ вниманія то соображеніе, что дорога строится для торгово-экономическаго прогресса сѣверо-восточнаго угла Европейской Россіи, наиболѣе нуждающагося въ желѣзной дорогѣ, но оставшагося въ сторонѣ отъ всей сѣти въ концессіонерскую эпоху, а потому, кромѣ магистральной линіи, надо подумать объ удобствѣ проведенія боковыхъ вѣтвей, въ бассейны Мезени, Печоры и Оби, для чего и слѣдуетъ направить магистральную линію по восточному, а не по западному берегу Сѣверной Двины. Тогда бы желѣзная дорога подошла къ самому Архангельску и служила бы вполнѣ задуманной цѣли: усилить торговое движеніе этого важнаго сѣвернаго порта, устраняя всѣ затрудненія для дешеваго и удобнаго передвиженія грузовъ.

Подобная же участь угрожала и Мурманской дорогѣ въ 1894 году, когда вопросъ о ея направленіи разсматривался особою комиссіею *). До 1894 года, т. е. до поѣздки на Мурманъ г. Министра Финансовъ, не установилось еще опредѣленнаго взгляда на значеніе Мурмана, и потому этому берегу не придавали особаго значенія ни въ военномъ, ни въ морскомъ отношеніи, что заставило комиссію обсуждать постройку и направленіе предполагаемой Мурманской дороги преимущественно съ точки зрѣнія ея экономическаго значенія. Но именно съ этой точки зрѣнія не было и не могло быть представлено никакихъ фактовъ, доказывающихъ важность и настоятельную необходимость сооруженія Мурманской линіи, такъ какъ въ русской Лапландіи, среди полуосѣдлаго ея населенія, экономическое развитіе такъ слабо, что требуетъ искусственныхъ мѣръ для своего возбужденія, а Мурманскіе промыслы, благодаря учрежденію срочнаго почтово - пассажирскаго

*) Свѣдѣнія о Мурманскомъ берегѣ, собранныя во время поѣздки въ 1896 году Контр. Адм. Сиденснеромъ. Спб. 1897 года, стр. 69—74.

сообщенія, замѣтно начали развиваться и безъ постройки желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого, комиссіи пришлось перейти къ нормальному аргументу о сравнительной дешевизнѣ разныхъ линій, соединяющихъ Мурманскій берегъ съ сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Такихъ линій предложено было три: 1) отъ Улеаборга въ порту Св. Владиміра; 2) отъ Іоэнсу или Сердоболя на Кемь и 3) отъ Петербурга черезъ Петрозаводскъ до Кеми. Самою длинною, а слѣдовательно и наименѣе желательною оказалась послѣдняя,—которая однако, проходила черезъ земли, населенныя русскимъ элементомъ и, стало быть, наиболѣе удовлетворяла основной государственной задачѣ: привлечь на сѣверную окраину русскую колонизацію для развитія морскихъ промысловъ и русскаго національнаго торговаго мореходства. Наиболѣе желательною оказалась линія отъ Іоэнсу до Кеми, одинаково устраняющая русское населеніе и отъ колонизаціи Сѣвера, и отъ усиленія Мурманскихъ промысловъ—почти также радикально, какъ и дорога изъ Улеаборга, удаленнаго на 1051 версту отъ Петербурга, до порта Св. Владиміра, гдѣ нѣтъ даже русскаго становища, а существуетъ лишь одна финляндская колонія. Нельзя не удивляться, какъ могла быть предложена къ обсужденію послѣдняя линія, такъ какъ она, вмѣсто привлеченія, не только совершенно устраняла русскій элементъ отъ развитія Сѣвера Россіи, но устраняла даже городъ С.-Петербургъ со всею его внѣшнею торговлею и заводско-мануфактурною производительностью, для которой снабженіе рельсами, мостами, подвижнымъ составомъ и всѣми другими желѣзнодорожными принадлежностями Мурманской линіи было бы весьма желательно, даже съ экономической точки зрѣнія, въ видахъ развитія русской фабрично-заводской промышленности. Но это не было принято въ соображеніе, какъ и все то, что не находилось въ непосредственной связи съ сравненіемъ наиболѣе кратчайшей длины сооружаемой линіи.

Ничего бы такого, очевидно, не могло быть, если бы вопросъ разсматривался преимущественно съ государственной точки зрѣнія. Тогда, прежде всего, нельзя было бы игнорировать, для чего и для кого предполагается построить Мурманскую дорогу,—а при такомъ вопросѣ сами собою устранялись два первыхъ направленія и подлежало бы обсужденію только третье направленіе отъ Петербурга на Петрозаводскъ въ Кемь... какъ единственное направленіе, проходящее по территоріи, заселенной русскимъ элементомъ, который желательно привлечь для водворенія въ незаселенный край вдоль всей предлагаемой къ постройкѣ линіи. Нельзя было также не обратить вниманія, что это направленіе соединяетъ съ Мурманомъ два такихъ важныхъ русскихъ заводско-промышленныхъ пункта, какъ Петербургъ и городъ Петрозаводскъ, предоставляя преимущество русскимъ заводамъ въ поставкѣ желѣзнодорожныхъ принадлежностей и подвижного состава строющейся дороги. Послѣ выбора этого направленія комиссіею и экономическая ея точка зрѣнія совершенно измѣнилась бы. Нельзя было бы не припомнить, что если дорога строится для развитія Мурманскихъ морскихъ промысловъ, то самая важная ея задача облегчить и усилить сбытъ продуктовъ этихъ промысловъ, открывая имъ рынокъ, на которомъ прогрессивно развивающіеся промыслы находили бы постоянный неограниченный и выгодный сбытъ. Такого рынка нѣтъ ни въ Финляндіи, ни въ Петербургѣ, богатыхъ рыбою, но запросъ на нее особенно силенъ на всемъ внутреннемъ нашемъ рынкѣ, центромъ котораго служитъ Москва. Поэтому весьма было бы естественно, если бы комиссія, разсматривая вопросъ преимущественно съ экономической точки зрѣнія, указала бы на пользу постройки линіи отъ Петрозаводска до Москвы черезъ Череповецъ, Кашинъ, Кимры. Эта вѣтвь не только открыла бы очень выгодный, неограниченный рынокъ для продуктовъ Мурманскихъ промысловъ, но доставила бы дорогѣ ежегодно десятки тысячъ пассажировъ,

именно почитающихъ Соловецкія Святыни богомольцевъ, не только изъ простонародья, но изъ достаточныхъ слоевъ общества, да притомъ дала бы возможность привозить на Мурманъ дешевый московскій мануфактурный товаръ, конкурируя съ норвежскими фактористами. Но важнѣе всего надо считать то, что прямое соединеніе Москвы съ Мурманомъ предоставило бы возможность московскому купечеству и интеллигентнымъ капиталистамъ познакомиться съ естественными богатствами Сѣвера, съ выгодами мореходства и морскихъ промысловъ и тѣмъ постепенно привлекло бы къ развитію Мурмана и національнаго торговаго мореходства русскіе капиталы, безъ чего нельзя ожидать быстраго и всесторонняго развитія нашего Сѣвера. Для широкаго пользованія широкимъ океанскимъ просторомъ необходимо соотвѣтственное приложеніе русскихъ капиталовъ къ морскимъ промысламъ, мореходству и активной внѣшней торговлѣ, ибо только въ такомъ случаѣ можетъ произойти быстрое соотвѣтственное развитіе русскаго морского могущества на сѣверной нашей окраинѣ.

Какъ извѣстно, рѣшеніе комиссіи 1894 года не было одобрено и для начала дороги на Мурманъ избрано наилучшее направленіе отъ Петербурга черезъ Петрозаводскъ до Кеми, что вполнѣ ограждаетъ русскіе интересы на Сѣверѣ. Но эта линія соединяетъ съ Россіею только Бѣломорское Поморье, откуда остается до незамерзающаго порта на Мурманѣ 658 верстъ—и потому впредь до сооруженія всей линіи первенствующее значеніе для современнаго развитія Мурманскихъ промысловъ и для огражденія русскихъ интересовъ на Сѣверѣ остается за усиленіемъ числа крейсеровъ и срочныхъ и грузовыхъ, лѣтнихъ и зимнихъ, пароходныхъ рейсовъ. Срочные рейсы, какъ показываетъ непосредственный опытъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ (со времени преобразованія общества Мурманскаго пароходства въ 1896 году) оживили промыслы и, создавъ возможность для жизни на Мурманѣ въ теченіе круглаго года, вызвали среди бѣло-

морскаго Поморья стремленіе къ осѣдлому водворенію на Мурманѣ, дальнѣйшее увеличеніе коего было бы весьма желательно. Въ настоящее время общество Мурманскаго пароходства вызываетъ много справедливыхъ жалобъ на небрежное отношеніе къ грузамъ и пассажирамъ, что отчасти оправдывается крайнею неудовлетворительностью въ морскомъ отношеніи нашихъ бѣломорскихъ портовъ и становищъ, именно: открытымъ положеніемъ рейдовъ, мелководьемъ рѣчныхъ баровъ и самого прибрежья, что заставляетъ пароходы останавливаться далеко отъ берега и уходить при плохой погодѣ, не окончивъ нагрузки или даже совершенно минуя порты. Но нельзя оправдать общество въ томъ, что оно не имѣетъ до сихъ поръ въ большинствѣ пунктовъ, посѣщаемыхъ срочными пароходами, агентовъ, для заблаговременнаго пріема и сдачи грузовъ, не имѣетъ никакихъ навѣсовъ для временнаго храненія сдаваемыхъ ему и привозимыхъ грузовъ; что оно не устроило никакихъ убѣжищъ для пассажировъ и не доставляетъ имъ никакихъ удобствъ для переѣзда съ берега на пароходъ, который становится на якорь въ 10—15 верстахъ отъ берега. Для перехода черезъ бары приходится дожидаться высокой воды, а срочные пароходы не могутъ плавать по часамъ, такъ какъ задерживаются не только неблагопріятною погодою, но и туманами, очень частыми и при тихой погодѣ. Поэтому въ Онегѣ, Сумахъ, Кеми и пр. пассажиры и грузы вынуждены бываютъ отправиться на рейдъ въ простыхъ баркасахъ и ждать тамъ, сутки и болѣе, прихода пароходовъ, что, для непривычныхъ къ морю пассажировъ, представляетъ совершенно ненужное мученье, которое общество могло бы очень легко устранить, заведя мелкосидящіе паровые баркасы, или устроивъ жилыя помѣщенія на островахъ, ближайшихъ къ рейду, гдѣ было бы можно отсиживаться въ ожиданіи срочнаго парохода, или, что еще болѣе неудобно, какъ это имѣетъ мѣсто въ Онегѣ, теряя полсутокъ и болѣе, когда неуклюжій, глубокосидящій пароходъ „Кола“ дож-

дется высокой воды и перетащить пассажировъ черезъ баръ,—при чемъ нельзя не прибавить, что все время сидѣнья на пароходѣ они не могутъ получить ни куска хлѣба, ни стакана чаю, такъ какъ „Кола"—пароходъ грузовой и ему имѣть буфетъ не полагается.

Нынѣ временно прибывающіе на Мурманъ промышленники для весенняго лова должны пользоваться крайне неудобною и трудною сухопутною дорогою отъ Кандалакши до Колы; для лѣтняго же промысла прибываютъ частью на собственныхъ судахъ, а неимѣющіе таковыхъ, т. е. большое число промышленниковъ, предпочитаютъ дешевое и болѣе вѣрное сообщеніе на срочныхъ пароходахъ общества Мурманскаго пароходства, также какъ и для возвращенія съ промысловъ. Но при этомъ всѣ промышленники безъ исключенія указываютъ на неудобство рейсовъ, нынѣ установленныхъ обществомъ Мурманскаго пароходства, при которыхъ промышленники, изъ всѣхъ береговыхъ поселеній на Бѣломъ морѣ, направляются сперва въ Архангельскъ а потомъ изъ Архангельска другимъ рейсомъ на Мурманъ. Если, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, промышленникъ опоздаетъ къ отходу парохода на Мурманъ, то онъ вынуждается проживаться безъ дѣла цѣлую недѣлю въ Архангельскѣ и теряетъ удобное время для промысловъ. При возвращеніи съ Мурмана случается нѣчто болѣе невыгодное—каждый промышленникъ возвращается домой съ заработанными на промыслѣ деньгами, а въ Архангельскѣ особенно много распивочныхъ и всякихъ увеселительныхъ заведеній, крайне соблазительныхъ для промышленника послѣ окончанія трудныхъ морскихъ промысловъ, вслѣдствіе чего у многихъ изъ нихъ привезенный заработокъ остается въ Архангельскѣ, а только самая малая его часть, недостаточная для содержанія семьи, привозится домой, что и заставляетъ промышленника уже съ осени поступить въ кабалу къ судохозяевамъ и фактористамъ, заключая съ ними сдѣлки, крайне невыгодныя.

Въ устраненіе этого зла, съ которымъ они сами бороться не могутъ, — промышленники желали бы, чтобы общество Мурманскаго пароходства установило спеціальные рейсы для перевозки промышленниковъ изъ Бѣлаго моря на Мурманъ и обратно, безъ захода въ Архангельскъ. Такіе спеціальные рейсы были бы выгодны для общества вслѣдствіе большой численности промышленниковъ и, вѣроятно, при увеличеніи числа пароходовъ, общество не затруднится удовлетворить желаніе промышленниковъ, весьма полезное для благосостоянія всего Бѣломорскаго Поморья.

III.

Устройство торговаго и военнаго порта на незамерзающей части Мурмана.

Желѣзная дорога, составляющая самое могущественное орудіе для привлеченія и водворенія русской колонизаціи на сѣверной окраинѣ, тогда только получитъ непосредственное значеніе для экономическаго развитія Мурманскапо берега и его промысловъ, когда достигнетъ незамерзающей его части и окончится торговымъ портомъ. Торговый портъ немыслимъ, или правильнѣе, не имѣетъ смысла, безъ существованія при немъ многолюднаго торговаго города, соотвѣтственнаго важности значенія устраиваемаго торговаго порта. Торговый портъ на Мурманѣ, служащій однимъ изъ конечныхъ выходовъ русской желѣзнодорожной сѣти на незамерзающій круглый годъ океанскій морской просторъ, — очевидно долженъ будетъ имѣть весьма важное торгово-экономическое значеніе для всей Россіи, а потому и долженъ привлечь населеніе, считаемое десятками тысячъ, при ближайшемъ удовлетвореніи потребностей коего, откроется близкій и очень выгодный рынокъ для сбыта про-

дуктовъ Мурманскихъ промысловъ и хорошо оплачиваемая работа для поморскаго каботажа. Весь Мурманскій берегъ состоитъ изъ суровыхъ, безплодныхъ скалъ, падающихъ крутыми утесами до самаго урѣза воды, почему при большемъ изобиліи обширныхъ, вполнѣ удобныхъ въ морскомъ отношеніи гаваней—на самомъ берегу очень немного мѣстъ, удобныхъ для расположенія большого города. Притомъ, когда дѣло идетъ о большомъ торговомъ городѣ, долженствующемъ быть центромъ торговой и промышленной жизни такого большого раіона, какъ Кольскій полуостровъ, составляющій прибрежье Мурманскаго берега,—то къ такому пункту предъявляется такъ много разнообразныхъ и сложныхъ требованій, что удовлетворить всѣ или даже большую часть ихъ,—представляется крайне затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что и самое значеніе каждаго изъ этихъ требованій, не подлежитъ точной оцѣнкѣ, а зависитъ отъ господствующихъ теорій и взгляда тѣхъ лицъ, кому предлежитъ дѣлать выборъ пункта и опредѣлять сравнительное значеніе его преимуществъ и неудобствъ по отношенію къ другимъ конкуррирующимъ пунктамъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ затемняется еще тѣмъ, что не имѣется достаточно точныхъ данныхъ о современномъ положеніи и значеніи Мурмана, а потому и его будущее рисуется въ крайне неопредѣленныхъ чертахъ, допускающихъ самые разнорѣчивые выводы и перспективы.

Что въ самомъ дѣлѣ поставить основною задачею, которой долженъ удовлетворять будущій торговый портъ на Мурманѣ? Долженъ ли онъ быть центромъ промысловой жизни, служа опорою и средствомъ усиленнаго развитія морскихъ промысловъ и національнаго торговаго мореходства, доставляя послѣднему прогрессивно возрастающее количество грузовъ для перевозки? Долженъ ли онъ служить лишь дополнительнымъ орудіемъ современной нашей внѣшней торговлѣ, открывая для иностранныхъ судовъ всѣхъ странъ новый незамерзающій круглый годъ морской путь въ Россію и,

по прежнему, устраняя національное русское мореходство отъ активной внѣшней торговли? Долженъ ли онъ, наконецъ, — оставляя въ сторонѣ вопросъ объ осуществленіи общихъ государственныхъ задачъ, — сократить свое значеніе до минимума, соотвѣтственно современному приниженному положенію всего сѣвернаго побережья и ограничиться лишь тѣмъ, чтобы доставить возможность русскимъ товарамъ достигнуть Мурмана и успѣшно конкуррировать съ норвежскими для освобожденія нашихъ промышленниковъ отъ зависимости Финмаркена? Послѣднее рѣшеніе было бы pia desiderata практическаго воззрѣнія, такъ какъ, очевидно, для такой маленькой задачи не стоитъ строить ни желѣзной дороги, ни устраивать порта, а слѣдуетъ сохранить достолюбезное statu quo, не вызывая никакого расхода казны и избѣгая всякой работы по собиранію данныхъ и обсужденію проектовъ будущаго.

Каждая изъ этихъ задачъ требуетъ совершенно различныхъ основаній при выборѣ мѣста и расположенія порта и города, соотвѣтственно требованіямъ его спеціальнаго назначенія. Разрѣшить по возможностя всѣ задачи выборомъ одного пункта, при 800 верстномъ протяженіи Мурманскаго берега, не легко, и трудность увеличивается еще тѣмъ, что, кромѣ торгово-экономическихъ соображеній, нельзя игнорировать и международныя условія современнаго положенія Мурмана. Берегъ этотъ, кромѣ живописныхъ суровыхъ скалъ, пока еще не обладаетъ ни богатою промышленностью, ни естественными богатствами, разработка коихъ могла бы привлекать вниманіе предпринимателей Западной Европы, но, тѣмъ не менѣе, не смотря на отсутствіе большихъ городовъ и поселеній, Мурманскій берегъ уже два раза, въ теченіе настоящаго столѣтія (въ 1809 году и во время Крымской войны) подвергался нападенію англійскаго военнаго флота, который разорялъ существовавшія поселенія и истреблялъ всѣ поморскія суда, которыя ему попадались.

Всѣ эти пиратскіе подвиги совершены были самыми небольшими военными судами англійскаго флота и, разумѣется, происходили лишь тамъ, гдѣ англичане не встрѣчали ни малѣйшаго сопротивленія, не стѣсняясь, въ противномъ случаѣ, тотчасъ же уходить дальше. Такъ, во время Крымской войны, англичане вздумали воспользоваться богатствами, вѣками собранными въ ризницѣ Соловецкаго монастыря,—два дня бомбандировали они святую обитель, которая не имѣла ни одного орудія для защиты своихъ старинныхъ, древнихъ, прочно построенныхъ стѣнъ, не поддававшихся разрушительному дѣйствію артиллерійскаго огня англійскихъ судовъ, и просвѣщенные мореплаватели, видя безполезность своихъ выстрѣловъ, удалились, не сдѣлавъ никакого вреда инокамъ обители. Эта историческая справка заставляетъ думать, что съ учрежденіемъ торговаго порта, съ заселеніемъ, развитіемъ торговаго мореходства и промысловъ на Мурманѣ, — въ случаѣ войны, англійскій военный флотъ неизбѣжно опять посѣтитъ, но уже въ усиленномъ составѣ, наше сѣверное поморье для разоренія городовъ, истребленія промысловыхъ становищъ, морскихъ судовъ и всѣхъ тѣхъ морскихъ рессурсовъ, которые Россія успѣетъ создать, съ большими жертвами, въ теченіе мирнаго времени.

Подобное разореніе особенно будетъ тяжело для Россіи, вслѣдствіе того, что еще много потребуется времени для того, чтобы связать прибрежную линію осѣдлыхъ колоній и промысловыхъ становищъ со внутренностью Кольскаго полуостроваго, отъ котораго они отдѣлены высокими безплодными, гранитными, трудно проходимыми, хребтами горъ. Вслѣдствіе этого, Мурманскій берегъ находится совершенно въ томъ же неудобномъ положеніи, въ какомъ находилась, учрежденная въ царствованіе Императора Николая I, на восточномъ берегу Чернаго моря, такъ называемая береговая Черноморская линія, состоявшая изъ ряда укрѣпленій, прекращавшихъ доступъ съ моря къ

непокорнымъ горцамъ, заселявшимъ этотъ берегъ. Укрѣпленія эти были совершенно изолированы отъ окружавшей ихъ страны, и имѣли только морское сообщеніе между собою и съ Россіей, при посредствѣ парусныхъ и паровыхъ судовъ, вслѣдствіе чего, при вступленіи во время Крымской войны, союзнаго флота въ Черное море, всѣ гарнизоны укрѣпленій и находившіеся при нихъ русскіе поселки были сняты и отвезены въ Керчь, а вся линія была уничтожена горцами, и 20-тилѣтнія усилія и жертвы правительства людьми, а также и 100-милліонный расходъ на учрежденіе береговой линіи—пропали безъ всякой пользы для Россіи.

Повтореніе подобной потери вовсе нежелательно при колонизаціи и торгово-экономическомъ развитіи Мурмана, а потому очевидна настоятельная необходимость обезпечитъ безопасность нашей сѣверной государственной границы, безъ чего всѣ жертвы на развитіе промысловъ, торговаго мореходства и экономическаго благосостоянія Мурманскаго берега, — могутъ обратиться въ безплодную работу и непроизводительный расходъ. Кромѣ того, наши давнія дружескія отношенія къ сосѣдней Норвегіи и Швеціи, при полномъ отсутствіи всякихъ поводовъ къ политическимъ недоразумѣніямъ, не избавляютъ наши сѣверныя воды, изобильныя морскими звѣрями и рыбою, отъ ежегодныхъ набѣговъ шведско-норвежскихъ флибустьеровъ, которые, пользуясь незамерзаемостью гаваней Финмаркена, раннею весною отправляются на рыбные и звѣриные промыслы вдоль всего сѣвернаго берега до Новой Земли включительно и тѣмъ лишаютъ нашихъ промышленниковъ наиболѣе выгоднаго лова. Это и вызвало, начиная съ 1893 года, ежегодную отправку изъ Балтійскаго флота одного крейсера для охраны нашихъ сѣверныхъ водъ. Но опытъ доказалъ, что пребываніе одного крейсера крайне недостаточно для охраны нашего Поморья и что для дѣйствительности таковой необходимо имѣть нѣсколько крейсеровъ, которые

притомъ непремѣнно оставались бы на зимовку въ незамерзающихъ гаваняхъ Мурмана, а не уходили бы въ Бѣлое море или въ Кронштадтъ. Отсутствіе крейсеровъ во-время узнается Норвежскими китобоями и прочими промышленниками и предоставляетъ въ полное ихъ распоряженіе всѣ наши сѣверныя воды, впредь до появленія новаго крейсера, о времени прихода коего норвежцы имѣютъ полную возможность знать заблаговременно. При такомъ положеніи вещей, очевидно, необходимость имѣть на незамерзающей части Мурмана удобный портъ для зимовки военныхъ крейсеровъ, для помѣщенія угольныхъ складовъ и мастерскихъ, для исправленія неизбѣжныхъ аварій въ случаѣ какихъ либо несчастій. Такимъ образомъ, ко всѣмъ затрудненіямъ, возникающимъ при выборѣ наиболѣе удобнаго порта, для устройства въ немъ торговаго города, удовлетворяющаго всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ, прибавляется еще новое, трудно исполнимое, требованіе имѣть такой торговый портъ, который былъ бы удобенъ еще для постоянной стоянки военныхъ судовъ и размѣщенія потребныхъ для него учрежденій. Какъ извѣстно, торговый портъ, безъ всякаго стѣсненія можетъ довольствоваться одною гаванью съ удобными набережными или пристанями, гдѣ можно бы, во всякое время и при всякой погодѣ, — производить грузовую операцію. Военныя же суда не производятъ никакихъ грузовыхъ операцій, а потому въ пристаняхъ и набережныхъ мало нуждаются, такъ какъ должны стоять на якоряхъ, чтобы удобно производить установленныя занятія по обученію команды и содержанію въ исправности судна, а потому для нихъ главнѣйшее удобство и потребность составляетъ не покойная гавань, а покойный и удобный рейдъ. Вслѣдствіе этого, торговый портъ на Мурманѣ, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ служить для постоянной стоянки военныхъ судовъ, кромѣ удобной гавани, долженъ обладать еще удобнымъ и покойнымъ рейдомъ, и притомъ долженъ

имѣть внутри гавани достаточно мѣста для расположенія угольныхъ складовъ, мастерскихъ и учрежденій, необходимыхъ для исправнаго содержанія военной эскадры.

Всѣ приведенные факты и соображенія объясняютъ, почему существуетъ такое разнообразіе мнѣній относительно избранія пункта для устройства торговаго порта на Мурманѣ. Вопросъ объ этомъ возбужденъ былъ въ 1870 году бывшимъ Начальникомъ Архангельской губерніи Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Качаловымъ и, по сношенію Министровъ Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Морского, — лѣтомъ 1872 года была снаряжена на Мурманъ экспедиція для выбора мѣста и учрежденія порта на Мурманѣ. Изслѣдовавши большую часть гаваней Мурмана, Комиссія эта пришла къ заключенію, что нужды промышленности и торговли, — при 800 верстномъ протяженіи Мурманскаго берега, отъ Ворьемы до Св. Носа, — не могутъ быть удовлетворены учрежденіемъ одного порта, и проэктировала устройство трехъ городовъ: на островѣ Кильдинѣ, въ Монастырской Губѣ, въ губѣ Порчнихѣ на Восточной части Мурмана и въ Корабельной бухтѣ Рыбачьяго полуострова. Кромѣ того, экспедиція признала весьма полезнымъ устройство образцовыхъ становищъ въ Териберкѣ и Печенгѣ, причемъ эти становища, по мнѣнію экспедиціи, должны были сами разростись и сдѣлаться торговыми городами*). Образованная при Министерствѣ Финансовъ комиссія для изысканія мѣръ по развитію Сѣвера, при разсмотрѣніи, предположенія экспедиціи, нашла преждевременнымъ одновременную постройку трехъ портовъ и остановилась на постройкѣ одного изъ нихъ на островѣ Кильдинѣ, — но исполненіе этого предположенія замедлилось сомнѣніемъ, возбужденнымъ Архангельскимъ Губернаторомъ Игнатьевымъ въ возможности развить въ проэктированномъ на Мурманѣ

*) Свѣдѣнія о Мурманскомъ берегѣ, собранныя лѣтомъ 1896 года, Контр. Адмираломъ Сиденснеромъ. Спб. 1897 года, стран. 39.

портѣ торговопромышленную дѣятельность. Г. Игнатьевъ указывалъ, что „не города создаютъ широкое развитіе промышленности, а самая промышленность создаетъ города, и что всякія искусственныя въ этомъ отношеніи мѣры могутъ только ввести казну въ непроизводительные затраты, что едва ли этотъ портъ не будетъ лишь мѣстомъ пребыванія должностныхъ лицъ, а поморы за хлѣбомъ для торговли съ Норвегіей будутъ по прежнему непосредственно являться въ Архангельскъ. Архангельскія же торговыя конторы,—имѣя сношенія не съ Норвегіей, а съ англійскими, германскими и голландскими портами,—вовсе не нуждаются въ складочныхъ мѣстахъ на Мурманѣ“ *). Таковое мнѣніе не нашло тогда сочувствія въ Министерствѣ Финансовъ, которое полагало, что устройство порта на Кильдинѣ могло бы вызвать участіе русскихъ судовъ въ доставкѣ отпускаемыхъ товаровъ заграницу, почему и признало полезнымъ внести въ смѣту 1877 года сумму 132,219 рублей, на устройство порта на Кильдинѣ. Расходъ этотъ, однако, не былъ венсенъ въ смѣту, вслѣдствіе возраженія Государственнаго Контролера, и вопросъ о постройкѣ портана Мурманѣ не возбуждали до 1888 года, когда Олонецкій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Григорьевъ, въ письмѣ къ Морскому Министру, не выяснилъ возможности и желательности устройства военнаго порта въ заливѣ Озерко, на Рыбачьемъ полуостровѣ, — вслѣдствіе этого Морское Министерство поручило директору Бѣломорскихъ маяковъ Капитану 2 ранга Иванову отправиться на Рыбачій полуостровъ, для изслѣдованія мѣстныхъ удобствъ для устройства морской станціи въ заливѣ Озерко **). Капитанъ Ивановъ изслѣдовалъ всѣ заливы Рыбачьяго полуострова, а также Печенгскій заливъ и Екатерининскую гавань и пришелъ къ заключенію, что обѣ эти гавани, а также Озерко,—

*) Свѣдѣнія о Мурманскомъ берегѣ, собранныя лѣтомъ 1896 года Контр. Адмираломъ Сиденснеромъ. Спб. 1897 года, стран. 43.

**) Тамъ же, стран. 41.

одинаковы весьма удобны для устройства въ нихъ военнаго порта, причемъ на долю Озерка, досталось нѣсколько серьезныхъ недостатковъ и въ числѣ ихъ сравнительныя невыгоды ея стратегическаго положенія, прогрессивное обмелѣніе гавани отъ засыпки камнемъ, приносимымъ съ горъ ручьями и значительность земляныхъ работъ для прорытія каналовъ на перешейкахъ *). Вслѣдствіе этого Морское Министерство пришло къ заключенію „о полной непригодности бухтъ Рыбачьяго полуострова для устройства собственно военнаго порта или укрѣпленной станціи“ — и вопросъ о постройкѣ собственно военнаго порта на Мурманѣ не получилъ дальнѣйшаго движенія **), хотя остался предметомъ самыхъ горячихъ патріотическихъ желаній и диспутовъ въ нашей прессѣ, интересующейся развитіемъ національнаго мореходства и морского могущества Россіи.

Мысль объ устройствѣ торговаго порта на Мурманѣ имѣла болѣе удачи и достигла практическаго осуществленія въ 1895 году послѣ поѣздки въ 1894 году на Сѣверъ Г. Министра Финансовъ, выборъ коего остановился на Екатерининской гавани, куда рѣшено было перенести изъ г. Колы административный центръ управленія Кольскимъ полуостровомъ и переселить обывателей упраздненнаго города. Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ мѣста для торговаго и военнаго порта на Мурманскомъ берегу, послѣ двадцати четырехъ лѣтнихъ изслѣдованій и соображеній, разрѣшенъ устройствомъ административно-торговаго порта въ Екатерининской гавани. О значеніи этого мѣропріятія на экономическое развитіе Кольскаго полуострова и Мурманскихъ промысловъ, пока еще ничего нельзя сказать опредѣленнаго, такъ какъ происходитъ только подготовленіе этой мѣстности для водворенія административнаго персонала и будущихъ обывателей города. Сооружается прекрасное шоссе для подъема отъ берега гавани до мѣста,

*) Тамъ же, стран. 47.
**) Тамъ же, стран. 48.

избраннаго для города въ лощинѣ, за передовымъ гранитнымъ хребтомъ, и доканчиваются постройки всѣхъ зданій, необходимыхъ для размѣщенія административнаго персонала. У южнаго берега гавани построена пристань для разгрузки и выгрузки судовъ. Все это вполнѣ удовлетворяетъ заданной цѣли и всѣ работы исполняются безупречно, каменные—норвежцами, приглашенными подрядчикомъ норвежскимъ инженеромъ Ульсономъ, а деревянныя работы, т. е. сборка срубленныхъ въ Архангельскѣ и перевезенныхъ въ Екатерининскую гавань, зданій, для помѣщенія административныхъ учрежденій и лицъ, производятся русскими плотниками, высланными изъ Архангельска, такъ что постройка административно-торговаго порта на Мурманѣ, по отношенію къ усиленію русской колонизаціи, пока еще ничего не измѣнила въ существующемъ положеніи вещей. Объ технической же сторонѣ трехъ конкуррирующихъ наилучшихъ пунктовъ для торговаго военнаго порта на Мурманѣ,—Озеркахъ, Екатерининской гавани и Печенгѣ—я буду имѣть честь доложить подробно особо.

